

ФРЕДДИ РОММ

ЭХО ДАЛЕКОЙ ВОЙНЫ

Аннотация

Детектив Валя, кузина Андрея Кароля, находит мемуары Жюльетт — бывшей разведчицы, работавшей с Леопольдом Треппером и раскрывающей секреты, о которых умолчал героический разведчик. Там и тайны советской, германской и британской разведки, и игры гестапо, и таинственное государство нацистов в Андах. Теперь сотрудникам Кароля приходится ехать в Аргентину, чтобы найти пропавшего журналиста. А за мемуарами охотятся последыши Рейха.

«Эхо далекой войны» — криптоистория и шпионский детектив, основанный на белых пятнах в книге Треппера «Большая игра», роман из серии «Спасение потопляющих».

Дизайнер обложки — Татьяна Николаевна Наконечная.

Фредди Ромм

Эхо далёкой войны

Глава 1. Синяя тетрадь в линейку

Валя

Париж! Чарующее название, словно пароль, открывающий врата к неведомому и пленительному таинству. Столица Франции, столица мира красоты, изящества, моды и любви. Город Эдит Пиаф и Мари Кюри, Эвариста Галуа и Александра Дюма. Город, основанный за два с половиной века до нашей эры кельтским племенем паризиев, прошедший через чуму и холеру, пламя войны и гнёт иностранной оккупации, возрождавшийся вновь и вновь, подобно фениксу. Мечта, воспетая Ремарком и Гюго, Азнавуром и Мирей Матьё, Ренуаром и Делакруа. Словно визитные карточки — Собор Парижской Богоматери, Эйфелева Башня и, конечно, Триумфальная Арка. Священный булыжник старых улиц, в котором застыли эпохи.

Примерно такие мысли вихрем проносятся в голове при одном упоминании этого колдовского названия. Однако Париж — это прежде всего город,

где живут и трудятся миллионы французов и гостей страны. Именно их труд, любовь, страдание и надежда порождают славу великого города. Как и все другие люди планеты, парижане рождаются и растут, любят и надеются, ищут себя и борются за своё место под солнцем, а в свободное время навещают театры и кафе, встречаются с любимыми, просто прогуливаются в тех местах, одно название которых заставляет вскипеть кровь иностранца. Не является исключением и Площадь Звезды, носящая имя Шарля де Голля, на которой находится знаменитая Триумфальная Арка.

В то субботнее июньское утро, когда начались события, о которых мы поведём речь, молодая, прекрасно сложенная черноволосая женщина лет двадцати пяти, одетая в тёмно-серое демисезонное пальто, из-под которого выглядывал подол синего платья, в чёрных сапожках и берете, с маленькой сумочкой на левом плече, прогуливалась с детской коляской недалеко от Триумфальной Арки. Погода была приятная, не жаркая, но и не прохладная, такая случается в начале лета и предвещает контрастные июль и август, и молодая мама никуда не спешила, с наслаждением вдыхала свежий, чистый воздух, катила коляску вперёд, навстречу будущему для своего малыша, выбирая путь среди зелени, не торопясь вернуться туда, где проносятся машины и стучат подошвами суетливые пешеходы.

— Мадам, вы не поможете? — обратился вдруг к ней молодой парень азиатской наружности, с сильным акцентом, помахивающей картой города.

— А что вы ищете? — ответила женщина, и её речь также выдала иностранное происхождение.

— Как отсюда пройти к Елисейскому Дворцу?

— Вон туда! — доброжелательно улыбнувшись, показала рукой женщина. Парень подошёл ближе, тычась в карту:

— А вам не трудно показать, как туда идти?

Женщина удивлённо посмотрела на своего собеседника: путь, который она только что указала, был никак не сложнее, чем ориентация по карте. Она взяла было карту в руку — и тотчас боковым зрением уловила движение слева. Она резко обернулась: какая-то дама лет тридцати, белокурая, одетая в спортивный костюм, подкрадывалась со стороны кустарника к детской коляске.

— Вам чего, сударыня? — громко спросила брюнетка. Белокурая, застигнутая врасплох, застыла на месте, но парень, только что задававший вопросы по поводу Елисейского Дворца, схватил свою собеседницу за запястье. Та резко дёрнулась, крутанула рукой и освободилась. Быстро шагнула назад и потянула за собой коляску. Теперь оба её противника находились перед ней. Парень произнёс что-то гневное на незнакомом языке и выхватил нож. Не дожидаясь, что он сделает дальше,

черноволосая женщина вдруг прыгнула вперёд, изогнулась и ударила правой ногой. Негромкий стук — и нож отлетел в сторону, описав эффектную дугу в воздухе. Следующим быстрым движением молодая мать раскрыла сумочку и выхватила маленький дамский пистолет:

— Ни с места, оба! Стреляю без предупреждения!

Она шагнула назад, бросила быстрый взгляд на ребёнка, убеждаясь, что всё в порядке, и левой рукой вынула из сумочки мобильный телефон. Её противники, растерянно поглядывая то на неё, то друг на друга, застыли на месте.

— Алло, Жак! Ты можешь сказать коллегам, чтобы прислали патруль? Я возле Триумфальной Арки, на меня напали двое, пытались похитить Аннет.

— Неправда! — дрожащим голосом воскликнула белокурая женщина. Её противница бесстрастно разъединила и вернула мобильный телефон в сумочку, только потом ответила:

— Сейчас полиция приедет и выяснит, что правда.

— Я просто хотела посмотреть на вашего очаровательного ребёнка!

— И для этого ваш друг стал отвлекать моё внимание?

— Я не отвлекал! — неожиданно-жалобно

произнёс парень. — Я хотел разобраться с картой!

— И выхватили нож, великолепно.

Белокурая женщина вдруг зарыдала и опустилась на землю. Черноволосая бросила на неё взгляд, полный недоверия.

— Неужели у вас нет сердца?! — сквозь рыдания выговорила блондинка.

— Извините, я не желаю продолжать этот разговор. Сейчас приедет полиция.

— У вас ребёнок... А у меня никогда не будет...

Лицо матери дрогнуло, но она не убрала пистолет, а только чуть сместила его в сторону парня. Тот попятился, неуверенно глядя на сообщницу. Рядом затормозила полицейская машина.

— Добрый день, Валентина! — весело произнёс водитель. — Как дела? Опять кого-то поймала?

— Они пытались похитить Аннет, — негромко отозвалась брюнетка. — Парень угрожал мне ножом — вон, валяется.

Полицейский, сидевший рядом с водителем, вышел из машины и вынул наручники.

— Сударь, прошу вас повернуться! — обратился он к парню.

— Не надо! Я... я... — хрипло отозвался тот.

— Прошу вас не ухудшать своё положение

сопротивлением!

Парень неохотно подчинился, ажан надел на него наручники, а затем помог сесть в машину. Полицейский взял другую пару и молча подошёл к плачущей женщине. Та обмякла, покорно подставила руки и также села в машину. Затем ажан подобрал нож, приветливо махнул рукой Вале, сел в автомобиль, и патруль уехал.

Валя осталась наедине со своим малышом. Безоблачное настроение, ещё десять минут назад владевшее ею, улетучилось. Бедная женщина, которая не может родить ребёнка и пытается решить свою проблему похищением чужого счастья...

Погуляв ещё минут двадцать, Валя грустно вздохнула и направилась с дочкой домой. Девочка открыла глазки, улыбнулась маме, пошевелила губками и снова уснула. Ещё через пятнадцать минут Валя с Аннет зашли в дом. Только затворив входную дверь, Валя вдруг сообразила, что за недавними бурными событиями пропустила нечто важное. В тот момент, когда она звонила мужу, голос его был озабоченный... мрачный какой-то... Она перенесла малышку в кроватку, проверила, всё ли в порядке, и подошла к телефону:

— Алло, дорогой! У меня всё в порядке, а как у тебя?

Жак ответил не сразу:

— Да как сказать, милая...

Валя встревожилась:

— Что-то нехорошо? Ты не можешь сказать по телефону?

— Прости, милая. Не могу. Может быть, дома.

— Хорошо.

Валя разъединила и занялась обычными домашними делами. Всё вроде в порядке, но разговор с мужем тревожил. Не может сказать, что случилось... Скорее всего, что-то на работе. Какое-то неприятное преступление? Все преступления неприятны, и жена полицейского должна к этому привыкнуть. Взять хотя бы несчастную женщину, задержанную час назад за попытку похищения ...

Муж приехал домой к восьми — на полтора часа позже обычного. Если бы у Вали и не было оснований для беспокойства из-за телефонного разговора днём, они появились бы сейчас — Жак выглядел печальным и сумрачным. Валя подошла к нему, мягко обняла. Жак попытался улыбнуться, обнял, поцеловал жену. Подошёл к детской кроватке, мягко взял в руки, поцеловал девочку. Та не спала — улыбнулась папе, потрогала ладошкой его лицо. Засмеялась, когда Жак вернул её в постельку. Валя вздохнула:

— Милый, рассказывай.

— Прямо сейчас?

— Да, пожалуйста, не тяни.

Жак грустно кивнул и увлёк жену в спальню.

Валя настойчиво посмотрела ему в глаза:

— Ну?! Я жду! Какое-то преступление?

— Да, родная моя. Убийство.

Валя ничего не сказала. Убийство — это всегда страшно, кем бы ни были преступник и жертва, что бы между ними ни произошло. И всё же убийства в практике мужа не были редкостью, а таким печальным и озабоченным он выглядел впервые. Подошла к мужу, мягко прикоснулась ладонями к его щекам:

— Милый, расскажи, что тебе гнетёт. Вместе легче.

— Да, любовь моя. — Он выдохнул и покачал головой. — Какая-то непонятная жестокость. Оба раза.

— Два убийства? — негромко констатировала Валя, скорее для себя.

— Да. Стариков... пытаться... Перевернуть весь дом...

Бессвязная речь мужа была слишком понятна, но и страшна. Горечь, владевшая Жаком, начала переходить в Валю. Она вздохнула:

— Можно, ты расскажешь об этом подробнее?

Жак помолчал немного и кивнул.

Надя

«Сегодня в нашем клубе вечер танцев. Цена билета 100 руб. Вход для девушек свободный». Это написанное от руки объявление висело на почерневшей от копоти выхлопных газов стене невысокого кирпичного здания. Когда-то, в старые времена, здесь была богадельня, позже, при советской власти — научно-исследовательский институт, а теперь — клуб, в котором московские бизнесмены — пусть не все, а только проживающие в этом микрорайоне — устраивали свои вечеринки.

Девушка лет двадцати, русоволосая, длинноногая, изящного сложения, с милovidными чертами лица, с большими, словно удивлёнными, карими глазами, одетая в простое серое платье и дешёвые туфли, с чёрной сумочкой из кожзаменителя, перечитала это объявление, висевшее рядом с входом в клуб, и нерешительно посмотрела на охранника, одетого в камуфляж. Тот радушно улыбнулся:

— Заходите, девушка! Не стесняйтесь! Здесь весело!

Она ещё немного поколебалась, но, увидев, как две другие девушки заходят внутрь, приняла приглашение.

— Извините, барышня, нам надо вас проверить! — слышалось слева. Девушка в сером

платье послушно застыла, пока охранник проверял её металлоискателем.

— Всё в порядке, можете заходить! Вам на второй этаж! Приятного отдыха!

Девушка осмотрелась. Просторный беломраморный холл был освещён люстрой под высоким потолком. Пол покрыт красным ковром, слегка пострадавшим от плесени. На стенах развешаны картины и репродукции художников самых разных направлений. С модернистами соседствовали репродукции Дега, Ван Гога и даже Рафаэля и Тинторетто. Короче, на самые разные вкусы... или просто на дурной вкус.

Рука охранника дотронулась до её плеча:

— Лестница вон там!

Девушка посмотрела влево, куда указывал охранник, и кивнула. Нерешительно поднялась на второй этаж. Здесь ступеньки заканчивались, и на узкую лестничную клетку выходили три двери, но только одна из них была открыта, и оттуда доносилась негромкая музыка — неряшливо исполняемая мелодия из фильма «Ромео и Джульетта». Правее этой двери размещался стенд «Правление Клуба»: обтянутая бордовым бархатом доска с прикрепленными к ней фотографиями в золотистом обрамлении. Самый большой фотоснимок принадлежал здоровенному коренастому субъекту с бычьим взглядом и бритой

головой. Подпись под снимком гласила: «Трофимов Вадим Павлович». Судя по всему, он был здесь главный. Неуверенно оглянувшись, девушка вздохнула и вошла.

Большой зал был обильно освещён десятком люстр. Прямо у входа стояли в беспорядке стулья. На некоторых сидели девушки, такие же смущённые, как и только что вошедшая. У противоположной стены, в креслах сидели и беседовали между собой мужчины разных возрастов — очень уверенные на вид, чтоб не сказать развязные. В них узнавались члены правления, чьи фотографии девушка только что видела на стенде Правления. Особенно развязным выглядел Трофимов. Рядом стояли плечистые парни — видимо, телохранители. Там же сновали официанты с подносами. Поодаль, в углу, находился бар, а рядом с ним приютились пятеро музыкантов в потёртых костюмах. Ещё в зале прогуливались несколько аккуратно одетых молодых людей — судя по их нерешительному виду, такие же новички здесь, как и гости. Не успела девушка в сером платье оглядеться, как один из них — высокий, худощавый, тщательно причёсанный брюнет в коричневом костюме — подошёл к ней и заговорил негромко:

— Простите... вы ведь на вечер танцев, не правда ли?

Девушка смущённо улыбнулась и кивнула.

— Меня зовут Виктор. А как ваше имя?

— Я — Надя.

Молодой человек ободряюще улыбнулся:

— Очень приятно, Надя. Могу я пригласить вас на первый танец?

Девушка пожала плечами:

— Н-не знаю. Наверное, да. А когда начнутся танцы?

— Через полчаса. Мы с вами пришли рановато.

— А, правда, — улыбнулась девушка. — В объявлении не было указано, когда начало. Может, пока погуляем здесь? Вы мне покажете клуб?

Виктор немного смутился:

— Понимаете, я и сам здесь впервые. Пришёл в надежде познакомиться с хорошей, красивой девушкой — такой, как вы. Давайте, пройдемся?

Надя снова улыбнулась, слегка кивнула. Виктор взял её под локоть, и они медленно пошли по залу.

— Виктор, вы бизнесмен?

— Ну, вроде того, — молодой человек немного замялся. — Я биржевик. Можно, вы будете называть меня Витей?

— Конечно, Витя! — с готовностью кивнула Надя. — Так вы играете на бирже?! Это, наверное, очень интересно, захватывающе?

— Я бы не сказал, — смутился её собеседник. — Ох уж эти акции, опции, дивиденды, подъёмы-спады...

Надя немного удивлённо посмотрела на него:

— Витя, а на чём вы играете? На каких акциях?

— Э-э... Не на акциях. Я играю на опциях. Это самый надёжный вид вложений.

— А-а... Да? Как интересно, — в голосе Нади прозвучала нотка сомнения. Они приблизились к креслам у противоположной стены. Надя прислушалась к разговору сидевших там людей:

— Так вы нашли инвестора для «Электронных игр»? — обратился к Трофимову один из его соседей.

— Да! Даёт три миллиона баксов! — кивнул Трофимов и потёр двойной подбородок.

— Три миллиона?! Зашибись! А кто это?

— Французы какие-то. Лохи.

Виктор легонько тронул свою спутницу за локоть, и девушка чуть вздрогнула.

— Надя, может быть, выпьем чего-нибудь? Коктейль?

— Нет... просто сок — можно?

— Да, конечно! Я и сам не очень люблю спиртное! — и Витя с готовностью увлёк свою спутницу к бару. — Вы какой сок возьмёте?

— Яблочный, пожалуйста...

— Эй! Детка! Ты почему ушла от нас? Тебе кто разрешил? А? — раздался на весь зал зычный бас. Надя вздрогнула и обернулась. Трофимов манил её толстым пальцем. Надя заметно смутилась и попятилась к двери. Витя, забыв про сок, последовал за ней, но Трофимов уже поднимался из кресла и направлялся к дверям, перерезая путь молодым людям.

— Ты, тёлка! Оглохла, что ли? Тебе говорят! А ну — стоять!

Надя побледнела. Витя шагнул было между ней и Трофимовым, но тот с силой толкнул его — так, что молодой человек отлетел к двери и ударился. Все в зале притихли, даже музыка смолкла. Трофимов схватил было Надю за левое запястье, но та вдруг резко дёрнула рукой и освободилась, а затем ударила противника коленом в живот. Тот охнул. Быстро оглянувшись, Надя бросилась к двери, но к ней кинулись сразу трое парней в форме охранников:

— Эй ты, стерва! Ни с места! За хулиганство ответишь!

Три быстрых движения Нади — и телохранители Трофимова повалились на пол, как кегли. Девушка подбежала к Вите, который немного пришёл в себя и теперь оторопело смотрел на происходящее:

— Ты как, в порядке? Быстрее отсюда!

Потанцуем в другой раз!

Не успел Витя ответить, как девушка увлекла его наружу, и они бросились вниз по лестнице. Только очутившись на улице, остановились, чтобы перевести дух, и тут из дома выбежали охранники:

— Стой! Не уйдёшь!

— Что здесь происходит? — из-за угла внезапно появился офицер милиции. Охранники растерянно посмотрели сначала на него, затем друг на друга:

— Она, это, ударила человека!

— Документы предъявите, граждане!

Витя полез было за паспортом, но Надя остановила его и шепнула:

— Тебе не надо! Ты со мной!

Витя с нарастающим удивлением смотрел, как майор милиции со скучающим видом изучает удостоверения охранников.

— Пусть потерпевший подаст заявление в милицию! — бесцветным голосом произнёс милиционер.

— Как? А она? — неуверенно указал один из охранников на Надю. Та громко рассмеялась:

— Передайте господину Трофимову, что он сделал большую ошибку! Сделка по «Электронным играм» не состоится!

К собеседникам подошёл ещё один человек — высокий, спортивный, аккуратного вида кареглазый

брюнет лет тридцати-тридцати пяти.

— Всем привет! — улыбнулся он. — Надя, ты в порядке?

— Я всегда в порядке! — рассмеялась девушка. — Ну что, с официальной частью мы закончили? — она вопросительно посмотрела на охранников Трофимова. Те попятились к дому. — Господа, это Витя! — театральным жестом представила она своего нового знакомого. — Витя, это Олег! — она указала на милиционера, и тот с улыбкой кивнул. — А это — Андрей, мой начальник!

Андрей весело рассмеялся:

— Так уж и начальник! Не преувеличивай, коллега!

— Что здесь происходит? — пробормотал Витя, совершенно сбитый с толку. Он понимал одно: Надя оказалась совсем не так проста, как он сначала подумал по её виду.

— Не обращайтесь внимания, Витя! — улыбнулся майор милиции. — Мы с Андреем уже уходим! Не будем вам мешать. Надя, мне кажется, и тебе с Витей имеет смысл пройти куда-нибудь, чтобы не маячить здесь под окнами.

— Ты прав! — энергично кивнула девушка и, взяв Витю за локоть, увлекла его в сторону, где виднелся очаровательный садик. Молодые люди присели на скамейку, и листва ближайшего дерева

шаловливо погладила их по волосам.

— Надя... Кто ты?

Девушка звонко рассмеялась, демонстрируя стройный ряд жемчужных зубов:

— А угадать не хочешь?

— Не знаю...

— Ладно, скажу, — посерьёзнела Надя. — Я — помощница детектива. Андрей — мой шеф. Олег — наш хороший друг. — Она подняла руку к волосам... и сняла парик, под которым оказались чёрные кудри. Витя ошарашенно посмотрел на перевоплощение Нади. Красавица тряхнула волосами и усмехнулась:

— Я тебе больше не нравлюсь?

— Нет... Что вы... Вы очень красивы... просто всё так неожиданно...

— Мы же только что были на «ты». Кстати, Витя... Ведь и ты не биржевик, верно?

Молодой человек смутился:

— Д-да... правда...

— Никогда не говори, что опции — самый надёжный вид вложений. А по правде, кто ты по профессии?

— Инженер-радиоэлектронщик...

— Неужели ты стыдишься этого? Лучше быть хорошим инженером, чем негодным биржевиком. Да и хорошие биржевики... — она скептически покачала головой. Витя вздохнул:

— Эх... Хотел я познакомиться с девушкой...

— Разве я не гожусь? Неужели помощница детектива хуже простой девушки?

— Нет... но...

Надя пожала плечами, сняла туфли и осмотрела свои маленькие аккуратные ступни. Витя тоже невольно скосил глаза на её красивые ноги. Девушка вздохнула:

— Всего несколько минут побыла в этих туфлях, а волдыри обеспечены. Не понимаю, как другие женщины носят такую дрянь. — Она вынула из сумочки другие туфли — модельные, красивые, чёрные, кожаные — и обулась, а дешёвую пару ловким движением запустила в ближайшую урну.

— Надя... Ты действительно помощница детектива? — пролепетал Витя. Он был совершенно сбит с толку.

— Да, а что? Тебя удивляет, что я впервые в жизни надела эту дешёвку? — Надя пренебрежительно махнула рукой в сторону урны.

— Ты так разбираешься в биржевых делах... Если не секрет — ты здесь что-то расследовала?

Девушка улыбнулась:

— Да, ты угадал. Я хотела присмотреться к господину Трофимову. Об этом попросил наш клиент, живущий во Франции. Андрей и Олег меня подстраховали.

— А, понимаю... И господин Трофимов попал

в ловушку...

— Которую, собственно, я ему не расставляла. Где мне было знать, что он такой редкостный хам и хулиган?!

Витя покачал головой:

— Да, ты права. Но...

— Что тебя смущает?

— Это так неожиданно...

Надя вздохнула:

— Витя, если я тебе уже разонравилась, так и скажи. Я не обижусь.

— Надя, ты мне не разонравилась. Ты мне очень нравишься... и вот такой — тоже. Просто мне надо привыкнуть. Не такой я тебя увидел в клубе.

— Витя, почему некоторым мужчинам больше нравятся слабые тихони, чем... такие, как я?

— Надя, не говори так. Ты мне понравилась и тихоней, и... вот такой. Просто мне трудно воспринять твоё превращение. Не сердись, пожалуйста!

Девушка улыбнулась:

— Я не сержусь. Погуляем?

Витя кивнул, поднялся со скамейки и предложил даме руку. Надя взяла его за локоть.

— Витя, ты хочешь быть главным в семье? Открою тебе страшную тайну: я не хочу командовать. Хочу быть слабой тихоней, только не получается. А моя сестра такая, её зовут Лариса.

Она вышла замуж, как только ей исполнилось восемнадцать, за французского художника. У них двое детей, и они счастливы. А я... почему-то обстоятельства складываются так, что приходится... вот как сегодня, — губы Нади образовали горькую складку. Вите вдруг стало жаль девушку. Он мягко взял её за плечи и поцеловал в щёку. Надя положила ему руки на плечи:

— Витя, ты мог бы полюбить меня такой, какая я есть? Не слабой тихоней?

— Не знаю, Надя. Мне кажется — мог бы. Только ведь мы так мало знакомы. Давай побудем вместе!

Надя кивнула, и они медленно двинулись вдоль по аллее. Витя невольно положил руку на талию Нади — и вдруг ощутил, как это приятно.

Валя

Она проснулась, когда часы в слабом свете ночника показывали без пяти три. Спать не хотелось. В голову валом полезли мысли, навеянные жутковатым рассказом мужа о жестоком двойном убийстве. Валя надела халат, заглянула в детскую, провела Аннет — всё в порядке. Прошла в свой «рабочий кабинет». Включила компьютер, вошла в Интернет. Она совсем не была

уверена, что сведения о людях, гибель которых взволновала вчера их с Жаком, обнаружатся во «всемирной паутине», но так приучил её работать Андрей.

Франсуаза Леблан, урождённая Ривейра, шестидесяти трёх лет. Шарль Перен, пятьдесят восемь. Возрасты близкие. Какой-нибудь маньяк жестоко убивает немолодых людей этого возраста? И что — в паспорт заглядывает? М-да, фамилии не самые редкие, ссылок куча. А если попробовать обе фамилии запустить вместе в поисковик? Стой, погоди...

Валя застыла, затаив дыхание и глядя в экран. Главное — не спешить. Это вполне может оказаться таким же совпадением, как и возраст погибших...

Сзади тихо подошёл Жак, обнял за плечи:

— Милая, всё в порядке?

— Да, мой хороший.

— Ты что-нибудь нашла?

— Не знаю. Возможно, это очередное совпадение.

— Да, двух фактов маловато...

— А третьего нельзя допустить.

— Так что там у тебя?

Валя вздохнула:

— Будем считать, что это одна из версий. —

Она встала из-за компьютера и пустила к экрану мужа, чтобы он посмотрел результаты поиска: Алис

Перен, урождённая Сешен, и Жюльетт Ривейра, урождённая Боретур. Вторая Мировая война. Оккупация, Сопротивление, разведка. Леопольд Треппер. Члены организации «Красная Капелла».

Надя

Что со мной? Не понимаю. Неужели я влюбилась в Витю? С первого взгляда? Никогда не думала, что такое может произойти со мной. Или меня подгоняет одиночество?

Рассудок говорит, что Витя — не лучший вариант мужа. И защитник так себе, и зарабатывает скромно. Но... Действительно ли это важно? Деньги для меня не проблема, драться я тоже умею недурно. Вон Али — уж на что супермен, и зарабатывает так, что дай Бог, а не сошлись мы с ним, хотя роман был бурный. Стоило мне увидеть его, моего любимого — и я сразу теряла рассудок, думала только о том, как бы подольше удержать Али рядом, поймать все его взгляды, улыбки, поцелуи, объятия, ласки... А потом всё это прошло. Наверное, проблема во мне: когда проводила его в Ливан на операцию, изошла не только страхом за него, но и ревностью. Всё мне мерещились арабские красавицы, соблазняющие моего Джеймса Бонда. Дурацкие голливудские фильмы, всё из-за

них, но... А если ему по заданию действительно придётся изображать увлечённость какой-нибудь дамочкой? Даже если не дойдёт до постели...

Али воспринял наш разрыв спокойно. Во всяком случае, так показалось мне. А может, он действительно нашёл себе другую? Сейчас это уже не важно. Счастья ему и его избраннице!

Наверное, дело именно в том, что Витя — полная противоположность Али. И внешне, и по складу. Что немаловажно — я ему понравилась в облике безденежной тихони, которая не знает, что такое кожаные туфли и сумки. Бросился защищать меня, совершенно не владея приёмами единоборства. И как я вижу себя с ним? Он бросит свою работу? Мне этого не очень хочется, мне его работа нравится, даже завидую немного. Или Витя сможет мотаться из Парижа в Москву и обратно? Найдёт работу во Франции? Не хочу об этом думать. Завтра у нас свидание, я надеюсь, что Витя придёт, и мы снова будем вместе... на несколько часов. А потом? Не важно. Что будет, то пусть и будет.

Валя

Сегодня Валя решила гулять с девочкой возле Сены. Уж очень неприятные ассоциации вызвало

бы вчерашнее место — у Триумфальной Арки. Валя нашла зелёный уголок между рекой и Эйфелевой Башней и присела на скамеечку, мягко покачивая коляску и время от времени заглядывая внутрь. Аннет безмятежно спала, разморенная свежим воздухом и убаюканная плеском воды невдалеке. Однако молодой матери не удавалось сбросить груз тяжёлых мыслей. Виной тому было, прежде всего, то, что рассказал накануне муж. Хотя Валя убеждала себя, что «военный» след почти наверняка ошибочен, рассудок упорно требовал разобраться с ним. Что, если нацисты убили двух пожилых людей, чтобы отомстить за своё былое поражение от их родителей? И сколько лет, в таком случае, может быть убийцам? А может, это сделали молодые неонацисты? Почему они до сих пор никак не угрожали Франсуазе и Шарлю, а тем более их родителям? Или угрожали — но тогда почему те не обратились в полицию? Погром, учинённый убийцами в домах жертв, по словам Жака, очень походил на обыск. Что искали преступники? Действительно ли это имело отношение к событиям давно минувшей войны?

Помимо собственно зловещего преступления, неприятно, что теперь Жак наверняка несколько дней подряд будет приходить домой позже обычного. Вот и сегодня, в воскресенье, отправился на работу, и из-за этого пришлось отказаться от

запланированной семейной поездки в Булонский лес. Андрей неоднократно предлагал своему шурина оставить малоприятную и не лучшим образом оплачиваемую работу в полиции и перейти в агентство, точнее, в его парижский филиал, приносящий недурные доходы, но почти полностью лежащий на хрупких плечах Вали и Нади, которая к тому же часто уезжала на каникулы и праздники в Москву, к друзьям. Однако Жак не соглашался, отвечал, что при таком подходе в стране не останется ни одного ажана.

Внезапно зазвонил мобильный телефон, и Валя невольно вздрогнула, отрываемая от вереницы размышлений.

— Алло!

— Это детективное агентство? — послышался взволнованный женский голос.

Валя вздохнула.

— Да, но сегодня мы закрыты! Приходите завтра!

— Извините, это срочно! Вопрос жизни и смерти!

На такие слова не очень-то ответишь «мы закрыты».

— Хорошо. Вы можете сейчас подъехать к Эйфелевой Башне?

— Да, конечно! Как мне вас узнать?

Валя описала себя и пояснила, где находится.

— Спасибо! Сейчас приеду!

Валя разъединила, заглянула в коляску, убедилась, что девочка спит, хотя и ворочается немного недовольно, и приготовилась ждать. Воскресенье шло к чёрту, получался обычный рабочий день, который вряд ли удастся совместить с прогулкой у реки.

Послышался быстрый стук женских каблучков. Валя подняла голову: к ней приближалась белокурая девушка лет двадцати, чуть ниже среднего роста, стройная и спортивная, одетая в синие джинсы, низ которых уходил в полусапожки, и белую ветровку, со светло-серой сумочкой на левом плече. Валя поняла, что это и есть клиентка. Однако прежде чем девушка подошла, в её сумочке зазвонил мобильный телефон. Девушка остановилась, недовольно поморщилась, вынула аппарат:

— Алло! Да, это я. Нет, я сейчас занята. Извините, у меня срочное дело. Тогда вы ко мне и подъезжайте. Я на берегу Сены, рядом с Эйфелевой Башней. Хорошо. — Она разъединила, вернула телефон в сумочку и обратилась к Вале:

— Добрый день, вы и есть секретарь детектива?

Валя сдержала улыбку:

— Нет, я и есть детектив Валентина Ламель.
Во взгляде девушки мелькнуло недоверие:

— Вы — детектив?

— Да, а что — непохожа? — перспектива сложного разговора о преступлениях и загадках не радовала Валю, и она была непрочь отвадить неурочную клиентку. Девушка вздохнула:

— А мне говорили — вы очень хорошо работаете...

— Кто говорил, если не секрет?

— Анни Берар.

Валя покачала головой:

— Сожалею, не помню, кто это.

— Вы помогли её брату, Жильберу Воле.

— А! Его ошибочно обвинили в краже из ювелирного магазина?

— Да.

— Помню, помню. Его подставил настоящий преступник.

Валя невольно усмехнулась: это было примерно год назад, дело Жильбера Воле заняло у неё часа два. Андрей, хотя и находился тогда в Париже, не успел даже вмешаться, когда Валя с Надей задержали настоящего преступника и передали его Жаку. Попробуй, упомни подобную мелочь. Впрочем, сам Жильбер наверняка нескоро забудет. Но коли так, можно уделить гостье больше внимания.

— Простите, а как вас зовут?

— Жюли Крессар.

— Очень приятно, Жюли. Садитесь, поговорим о вашем деле.

Судя по поджатым губам девушки, она всё ещё не была уверена, что Валя — наилучший адрес для её проблемы. Она заглянула в коляску, присела рядом с помощницей детектива и после недолгого колебания заговорила:

— Дело в том, что исчез мой жених. Его зовут Анри Клен.

Имя знакомое.

— Если не ошибаюсь, он журналист?

— Да, сотрудничает с несколькими газетами.

— Я видела его статьи по вопросам молодёжного экстремизма. Вы полагаете, его исчезновение связано с этим?

— Не знаю. Возможно.

— Вы подозреваете, что он подвергается опасности?

— Не знаю. Вы можете проверить, что с ним?

Валя ответила не сразу. Беспокойство Жюли передалось ей: действительно, журналист, пишущий на острые политические темы, фигура слишком видная, чтобы его внезапное исчезновение не вызвало беспокойства. Ясно также, что полиция не станет принимать никаких мер, пока не пройдёт достаточно много времени или обнаружится какой-то криминал. Но, с другой стороны, журналистская профессия сама по себе очень

беспокойна. Вдруг Анри куда-то уехал? Но почему не предупредил свою невесту?

— Жюли, до сих пор не бывало такого, чтобы он исчез, не предупредив вас?

Девушка поджала губы и посмотрела в сторону:

— Бывало, — ответила она дрогнувшим голосом. — Два раза.

— И как он потом объяснял своё отсутствие?

— У него были опасные поездки, и он не хотел меня волновать.

Валя покачала головой: в такой ситуации, действительно, трудно предвидеть, что вызовет большее беспокойство — собственно опасность или внезапное исчезновение любимого. Впрочем... Вдруг жених не вполне верен невесте? Или у него какая-то другая тайна, которую удобно скрывать под пологом мнимой опасности?

— В предыдущих случаях вы предпринимали поиски?

— Нет. Он появлялся на следующий же день.

— А сейчас он сколько отсутствует?

— Уже два дня.

Валя пожалла плечами: лишний день отсутствия Анри — достаточная ли причина для возбуждения расследования, пусть и частного?

— Вы можете рассказать немного о себе?

Девушка неопределённо пожалла плечами:

— Ну, как... Я студентка, учусь в Сорбонне.

— Кем собираетесь работать, если не секрет?

— Тоже журналистом, — негромко ответила Жюли и отвернулась. Судя по всему, достижения жениха её увлекали, но и распалили самолюбие.

— Жюли, если хотите, я возьмусь за это дело. Однако вам придётся внести аванс, и если Анри появится через час...

— Деньги не проблема, — быстро выговорила девушка и вынула из сумочки чековую книжку. — Сколько?

Валя немного удивилась неожиданной щедрости со стороны студентки. Впрочем, наверное, у Жюли богатые родители.

— Тысяча евро в день. Аванс вносится за два дня и не возвращается, даже если следствие завершится сегодня вечером.

Жюли кивнула и выписала чек на две тысячи. Валя взяла его, опустила в сумочку и пристально посмотрела на клиентку:

— Жюли, вы что-то знаете и не договариваете. Как бы вы ни были богаты, мне трудно поверить, что вы заказали частное расследование в нашем агентстве без очень веской на то причины. Лишний день отсутствия вашего жениха вряд ли является этой причиной. Пожалуйста, расскажите всё, что знаете. Ведь теперь мне всё равно придётся узнать это, а ваша

откровенность сэкономит нам обоим время. И... если ваш жених в опасности — повысит шансы на его спасение.

Девушка молча кивнула. Она избегала смотреть на Валу, и было ясно, что ей трудно произнести самое важное. Помощница детектива не торопила клиентку, но смотрела выжидательно ей в глаза, безмолвно требуя пояснений. Однако прежде чем Жюли ответила, поблизости затормозила полицейская машина. Валя не сдержала удивлённый возглас:

— Жак!

Инспектор полиции слабо улыбнулся и кивнул жене, но затем обратился к её собеседнице:

— Мадмуазель Жюли Крессар? Вы задержаны по подозрению в убийстве мадам Франсуазы Леблан!

Надя

До свидания с Витей оставалось около часа, а я уже была во всеоружии и теперь не знала, чем себя занять. Явиться на встречу раньше времени — ну нет, только не это. Прогуляться по улице? Можно, если не появятся идеи поинтереснее.

Внезапно я сообразила, что после приезда из Парижа ещё не звонила Ане. Упущение!

Безобразие! Срочно наверстать! И я схватилась за телефон:

— Алло, Анечка, привет, это я! Как твои дела?

— Привет, Наденька! — голос Ани был какой-то озабоченный. — Дела так... Ничего.

Я встревожилась:

— А подробнее?

— Ну... так...

— Аня! Говори, что случилось, иначе я к тебе сейчас приеду!

— Наденька, милая... Я всегда рада тебя видеть, но сейчас... В общем, Майкл приехал из Лондона.

Меня как током дёрнуло. Злополучный Майкл Шелли соблазнил нашу Анечку, когда она была пленницей во дворце Абу-Салемов, сделал ей ребёнка, а потом уехал в Лондон к своей старой пассии — Розалинде. И этот жук опять появился?!

— А как же его Розалинда? Он уже разлюбил её?

— Она ушла от него. Нашла себе другого.

Ну, тут ничего удивительного: поступила с Майклом так же, как он с Аней. Я её очень хорошо понимаю, таким мужикам доверия нет.

— Аня, неужели ты примешь его?

— Не знаю, Наденька...

— Он уже в курсе, что твой ребёнок от него?

— Да... Он догадался, спросил, и я

подтвердила...

Я вздохнула. Можно не сомневаться, теперь Майкл останется с Аней. Наверное, он любил её и тогда, когда сидел в Лондоне с Розалиндой, только он из тех мужиков, которые идут к той женщине, которой они нужнее. Помню, Розалинда была в довольно тяжёлой ситуации, когда мы с ней расстались в Индии, а Анечка в те же дни стала миллионершей, вот добряк Майкл и сжалился над бедняжкой. Хотя доброта — хорошее качество, я бы, на месте Анечки, такого жениха выгнала поганой метлой. А ну как новый хахаль Розалинды расстанется с ней и она снова побежит к Майклу? Эх, не будь Трофимов такой скотиной, привела бы я Анюту в его клуб, там бы мы ей живо жениха раздобыли.

— Ладно, Анечка. Ты взрослая девочка, тебе виднее. Береги себя! Будь счастлива!

Виктор

Не понимаю, что со мной? Эта девушка, Надя... Не могу без неё. Хочу видеть её каждый миг, слышать голос, быть с ней — всю жизнь. Да, она очень красива, но дело не только в этом. В тот момент, когда она сняла парик, меня словно обожгло что-то прямо в сердце. Помощница

детектива... Такая самостоятельная, дерётся, как в голливудском кино. Зарабатывает хорошо — вон как легко выбросила новые туфли. И при этом, я чувствую, есть в ней что-то ещё, о чём она не говорит, а может, и сама не знает. Кто она, откуда? Ещё вчера мне бы и в голову не пришло, что такая девушка вообще может жить на свете. А сегодня — знаю, что без неё мне самому жить нельзя. Она подумала, что разонравилась мне... Надя, если бы ты знала, что я на самом деле ощутил в тот момент! Как будто передо мной открылась дверь в другой мир, о котором я и не подозревал...

Через час у нас свидание. Придёт ли она? Вдруг передумала? У неё наверняка множество поклонников, где уж мне... А может, ничего и не было вчера? Это приснилось? Надя, милая! Если это сон, пусть он продолжается и никогда не прерывается! Я хочу быть с тобой каждое мгновение! Впусти меня в свой мир! Пожалуйста! Я люблю тебя!

Валя

Прежде чем отправиться в полицейский участок на выручку Жюли, мадам Ламель вернулась с дочкой домой и позвонила няне. Эта шестидесятилетняя женщина по имени Корин,

живущая с матерью в соседнем доме, производила хорошее впечатление, заботливо относилась к Аннет, и малышка тянулась к своей няне. Однако Корин не могла долго быть с девочкой, так как её собственная мать болела и нуждалась в присмотре. Обычно Валя проводила большую часть времени, особенно выходные, с дочкой и не беспокоила Корин, но сегодня пришлось сделать исключение. Молодая мама решила не вникать в подробности срочного вызова:

— Корин, я очень извиняюсь! Вы можете побыть с Аннет пару часов? Мне срочно нужно подъехать в одно место.

— Да, Валентина, с удовольствием. Делайте всё что надо, я с радостью побуду с вашей малышкой.

Долго ждать не понадобилось, няня пришла через десять минут после того, как Валя позвонила ей, и молодая мама, захватив с собой на всякий случай пистолет, выпорхнула за дверь. Она решила не слишком задерживаться: не за горами было время кормления малышки. Менее чем через четверть часа Валя вошла в кабинет мужа и сразу с порога заявила:

— Жак, я не думаю, что Жюли виновна.

Инспектор пристально посмотрел на жену:

— Милая, я тоже так не думаю, хотя формально на неё указывают улики.

— Тогда зачем ты её задержал?

— Прежде всего — для её собственной безопасности.

Не этого ответа ожидала Валя. Она подумала немного и сказала:

— Ты знаешь, по какому вопросу она обратилась ко мне? Её жених, журналист Анри Клен, исчез.

Жак кивнул:

— Это только подтверждает мои опасения.

— Как она была связана с Франсуазой?

— Если я тебе скажу, что мадам Леблан — мать Анри, этого достаточно?

Валя почувствовала, что сбита с толку.

— Почему у них разные фамилии?

— Мадам Леблан была замужем трижды. Анри — её сын от второго брака.

Валя кивнула и попыталась собраться с мыслями:

— Ты ведь не думаешь, что Жюли могла убить Шарля Перена?

— Исключено, на момент его гибели у неё алиби. Но, как я тебе сказал, я не верю и в её причастность ко второму убийству. Однако она последняя видела Франсуазу живой.

Валя вздрогнула.

— Какое у неё алиби? — изменившимся голосом спросила она. Жак кивнул:

— Ты догадалась, не так ли? Соседи видели, как она входила к Франсуазе незадолго до того, как был убит Перен. Однако никто не видел, когда она вышла. Так что, формально, она является подозреваемой, но...

— Скорее, она главный свидетель, — дрогнувшим голосом произнесла Валя.

— Очень возможно, и всё же не будем спешить с выводами.

— Ты мне позволишь переговорить с ней?

Жак задумчиво побарабанил пальцами по столу и вздохнул:

— Хорошо. Будем считать, что это очная ставка. — Он снял телефонную трубку:

— Пожалуйста, доставьте ко мне мадмуазель Жюли Крессар!

— Ты меня оформишь как свидетеля по делу? — догадалась Валя.

— Попробую, — кивнул Жак, разъединяя. — Надеюсь, начальство не станет возражать. Во всяком случае, на один ваш разговор моих полномочий хватит. Желательно, чтобы мы побыстрее вышли на результат.

Наступила пауза. Наконец, в коридоре послышались шаги. В кабинет вошла Жюли, она выглядела заплаканной. Валя порывисто подошла к ней и взяла за руку:

— Жюли! Не бойтесь! Я знаю, что вы

невиновны!

Жак прокашлялся:

— Если не возражаете, милые дамы, я вас покину. Только не могу обещать, что надолго. Постарайтесь управиться за пять минут. — И он вышел за дверь. Жюли тотчас схватила Валю за руки.

— Послушайте! — прошептала она громко. — Я доверяю вам, только вам! Я не видела, кто убил мать Анри, но догадываюсь, что ему было нужно! Тетрадь!

Валя почувствовала, как будто её окатили ледяной водой.

— Тетрадь? Какая?

— Синяя! Ученическая, в линейку! У меня дома! На столе! Вы сможете взять её как можно скорее?

После ледяной воды — кипяток, мгновенно проникающий во всё тело и толкающий к действию.

— Да, конечно! Вы опасаетесь, что убийца придёт за ней?

— Этого опасалась Франсуаза! Именно поэтому она отдала мне тетрадь!

Валя кивнула:

— Вы правы! Только... Как я зайду к вам домой?

— Этот инспектор — ваш друг, не правда ли? В моей сумочке, которую изъяли при задержании,

ключи!

— Этот инспектор — мой муж, — пробормотала Валя, борясь с искушением немедленно броситься за синей тетрадью. — Надеюсь, я не совершу преступления, если скажу, что он не верит в вашу виновность, но опасается за вас.

— Он мне так же сказал, — вздохнула Жюли и отвернулась. — Сначала я ему не поверила. Но... вы — мой единственный шанс. А теперь выходит — и он.

В кабинет торопливо вошёл Жак:

— Ну что, милые дамы, всё в порядке?

— Да, — кивнула Валя. — Возможно, через полчаса я тебе привезу доказательство невиновности Жюли.

Жак пристально посмотрел на неё:

— Не слишком ли ты поспешна? Это не поиск бриллиантовой брошки. Жюли, поймите правильно: я почти не сомневаюсь, что вы невиновны, но...

— Но опасаетесь за меня, я поняла, — с раздражением в голосе прервала его девушка.

— Жюли, что вам ещё привезти, помимо тетради? — спросила Валя, отходя к двери.

— Не знаю. Господин инспектор, ночью в камере холодно?

— Исключено! — твёрдо ответил Жак. — И в любом случае, при каких-либо проблемах, сразу

обращайтесь ко мне. Вы в одиночной камере?

— Да.

— Хорошо. Если хотите книги, телевизор...

— Мне не до того, — вздохнула Жюли. —

Ладно, постараюсь устроиться там поудобнее. Валентина! Я очень надеюсь на вас!

— Сделаю всё от меня зависящее, — твёрдым голосом ответила молодая женщина. Жак кивнул и открыл дверь в коридор:

— Проводите мадмуазель Жюли Крессар в камеру!

Жюли слабо улыбнулась Вале и вышла в коридор. Молодая женщина выразительно посмотрела на мужа:

— Ну, я поеду.

— Мы вместе сейчас поедem, — деловито сообщил Жак, вынул из кобуры пистолет и проверил.

— А тебе зачем? Я и одна найду эту тетрадь.

— Во-первых, свидетельница не должна получать предметы, изъятые у подозреваемой при личном обыске. А во-вторых... ты ведь взяла с собой пистолет?

— Ну... конечно.

— Значит, предполагаешь опасность. Ты как думаешь — я могу отсиживаться, пока моя жена рискует?

— Я взяла пистолет, когда ещё не собиралась

ехать домой к Жюли, — пробормотала Валя, но на этом её возражения исчерпались. Супруги Ламель вышли на улицу и сели в чёрный «Ягуар» Вали. Ещё через десять минут они остановились перед домом, где ещё сегодня утром проживала Жюли, и поднялись на второй этаж. Валя вынула было ключи, но, едва поднеся их к замочной скважине, вздрогнула и издала негромкое восклицание. Супруги обменялись тревожным взглядом: на металле отчётливо виднелась бороздка — след отмычки. Вынув пистолеты, муж и жена приготовились к штурму взломанной квартиры.

— На счёт «три»! — шепнула Валя, и муж кивнул. Молодая женщина осторожно сунула ключ в скважину и повернула...

В тот же миг изнутри раздался выстрел, и Валя отскочила в сторону — пуля прошла деревянную дверь насквозь. В следующий миг Жак сильно толкнул дверь, и супруги ворвались в квартиру:

— Стоять — полиция!

Неизвестный в маске, стоявший в конце коридора, поднял пистолет, но Валя выстрелила раньше. Её противник вскрикнул от боли, его оружие стукнулось об пол, но взломщик подхватил его левой рукой и бросился в комнату. Жак кинулся следом, опережая жену. Снова раздалась выстрелы, на этот раз их сопровождал звон разбитого стекла, а

затем послышалось сердитое восклицание полицейского. Валя вошла в комнату: муж стоял у распахнутого окна и смотрел вниз.

— Он выпрыгнул из окна? — спросила женщина, подходя к мужу и выглядывая вниз.

— Да, и попал под машину, — вздохнул Жак. Валя покачала головой.

— Иди скорее к нему, вдруг он ещё жив! А я проверю — может, тетрадь здесь.

Жак кивнул и без лишних комментариев выскочил на лестницу. Валя обвела комнату взглядом: Жюли сказала — тетрадь на столе, но каком? И в какой комнате? Только здесь, в спальне, два столика. На одном — синий блокнот, на другом — сине-зелёная тетрадка. Недолго думая, Валя смахнула оба предмета в сумочку: Жюли сама разберётся, что ей нужно. Но вдруг это всё-таки не здесь? Заглянуть в соседнюю комнату: гостиная, и тут два стола. На одном тоже синяя тетрадка — да сколько же их здесь?! Может, и грабитель что-то с собой унёс?

Снизу раздался пистолетный выстрел. Валя, держа оружие наготове, бросилась в спальню и выглянула наружу: взломщик, которые всего минуту назад валялся неподвижно на земле, теперь бежал, хромя, к соседнему дому... а Жак лежал на тротуаре, и из-под его формы проступала кровь. Недолго думая, Валя выстрелила вслед бандиту,

целясь в левую ногу. Неизвестный вскрикнул и упал. Валя выскочила наружу, поспешно заперла за собой дверь и бросилась по ступенькам вниз. Через десять секунд она выскочила на улицу и осмотрелась. Грабитель поднял левой рукой пистолет, целясь в неё, и Валя, щурясь от солнца, снова выстрелила. Бандит выронил, наконец, оружие и затих. Валя бросилась к мужу: Жак лежал в крови, но жену увидел и попытался что-то сказать.

— Лежи, лежи, я сейчас всё устрою! — поспешно обратилась к нему Валя и вынула мобильный телефон. Первым делом вызвала медицинскую помощь, затем набрала номер полиции:

— Алло, полиция! Я говорю по поручению инспектора Жака Ламеля! В него только что стреляли, ранили! Пришлите скорее помощь! — она назвала адрес.

— Сейчас, мадам! — поспешно ответили ей и разъединили. Валя склонилась над мужем, не упуская из виду преступника.

— Милый, куда он тебя ранил? — заговорила она, борясь с искушением оттащить мужа с проезжей части: как бы не сделать хуже.

— Не волнуйся... — выговорил Жак, но тут же закашлялся.

— Молчи, не разговаривай! — противореча

себе, поспешно ответила Валя и подошла, с пистолетом наперевес, к раненному противнику. Он тяжело дышал, но поднять оружие с земли не пытался. Резким движением Валя сорвала с него маску. Перед ней предстала прыщавая физиономия белобрысого худощавого парня лет двадцати. Он испуганно смотрел на грозную победительницу. Валя с трудом сдержала порыв огреть его рукояткой пистолета. Она догадывалась, что произошло: как только Жак приблизился к мерзавцу, тот выстрелил в упор.

Вокруг столпились зеваки, которые со смесью испуга и интереса смотрели на молодую женщину и обоих раненых. Никто не делал и движения, чтобы как-то помочь. Валя с тоской оглянулась: когда же, наконец, придет помощь?! Мучительно потянулись минуты...

Возможно, прошло совсем немного времени, но Вале показалось — целая вечность. Наконец, рядом остановилась машина с надписью «Служба неотложной медицинской помощи». Прежде чем санитары погрузили в машину раненых, приехала и полиция.

— Жака ранили, — хмуро пояснила женщина коллегам мужа.

— Кто?

— Не знаю. Взломщик. Он тоже ранен.

— Мадам, вы поедете с нами? — обратился к

ней врач. Валя кивнула, но тут вспомнила кое-что:

— Погодите, я сейчас! — она бросилась обратно, к квартире Жюли, открыла дверь и бросилась подряд по всем комнатам. Вот ещё стол — что на нём? Тетрадь, блокнот, календарь? В сумку! До неё дошло, наконец, что Жюли, которая наверняка предполагала возможность взлома, разложила на столах отвлекающие предметы. Несомненно, она рассчитывала, что Валя, в отличие от бандитов, будет иметь возможность разобраться и найти что нужно. Увы, тут она ошиблась: действовать приходилось в режиме форс-мажор. Когда Валя, вихрем проносясь по комнатам, оказалась возле платяного шкафа, что-то побудило её остановиться: дверца приоткрыта... Так надо или там сюрприз? Она открыла шире и увидела ещё одного парня в маске, но на этот раз безоружного. В руке он держал очередную синюю тетрадь. Не говоря ни слова, женщина отобрала тетрадь и отправила к остальным трофеям. Ткнула парня пистолетом:

— Идёшь впереди и не глупишь! Стреляю без предупреждения!

Пленник, весь дрожащий, подчинился беспрекословно. Разумеется, он слышал перестрелку и понял, что Валя взяла верх над его товарищем. Ну, теперь-то синих тетрадей больше не осталось?!

Валя проводила пленника вниз и, не глядя на окружающих, села в машину медпомощи. Автомобиль дёрнулся с места. Валя подумала, что одной ей становится всё труднее справляться с нарастающим потоком событий — значит, надо просить о помощи. Именно сейчас, когда наступила вынужденная пауза в головокружительном потоке событий. Она вынула мобильный телефон и набрала номер Нади...

Минут через десять машина затормозила у приёмного покоя неотложной помощи больницы Отель-Дьё. Валя в отчаянии посмотрела на часы: уже пора домой, кормить дочку, но как оставить Жака?

— Поскорее, пожалуйста! — в отчаянии обратилась она к ближайшему врачу.

— Мадам, не волнуйтесь, мы делаем всё возможное!

Валя увидела, что санитары забирают первыми носилки с раненым бандитом.

— Нет! Сначала его! — воскликнула она и указала на Жака. Врач взглянул поверх очков:

— Мадам, ваш муж ранен неопасно, а другой человек может умереть!

— Ну и чёрт с ним, — угрюмо пробормотала молодая женщина, вынимая мобильный телефон. Слова врача, что Жаку не угрожает опасность, немного успокаивали, но придётся позвонить

Корин.

— Алло, это Валентина! Я очень извиняюсь, с Жаком случилась серьёзная неприятность, мне придётся немного задержаться!

— Ничего страшного! — послышался в ответ спокойный голос Корин. — Я могу сама покормить Аннет! С удовольствием! Тут у вас всё есть!

— Да, пожалуйста, — вздохнула Валя и уныло посмотрела вдоль опустевшего коридора: она осталась наедине с Жаком. Это что же — персонал ушёл? А почему никто из полицейских не остался? Ну нет, пусть не надеются, что так легко отделаются. Подумав немного, Валя подтолкнула каталку с носилками Жака к двери с надписью «Операционная». Тотчас дверь открылась, и на пороге вырос врач с бумажкой в руке:

— Мадам, вашего мужа сейчас будут оперировать. Вы можете дать сведения о нём?

Валя, стараясь успокоиться, ответила на вопросы врача.

— А по поводу другого господина?

— Того, которого оперируют сейчас? Как его зовут — не знаю. Это бандит, он стрелял в нас. Ранил моего мужа, когда тот подошёл, чтобы помочь.

— Хорошо, мадам! — кивнул врач. — Я понимаю ваши чувства, но мы обязаны бороться за каждого пациента. — И он взялся за каталку. Валя

облегчённо вздохнула, когда Жак оказался в операционной.

— Сколько примерно продлится операция? — крикнула она вслед врачу.

— Мадам, не шумите, пожалуйста, — обернулся тот. — Думаю, не менее двух часов.

Дверь закрылась, и Валя осталась совсем одна. Как быть — дожждаться конца операции или ехать срочно к дочке? А ещё этот злополучный заказ от Жюли... Хотя — почему злополучный? Девушка разве виновата, что попала в такую переделку? Молодая женщина снова вынула мобильный телефон:

— Корин, я очень извиняюсь, мне придётся ещё задержаться...

— Ничего страшного, Валентина, ваша девочка уже покушала, с ней всё хорошо, только мне нужно идти домой, проверить, в порядке ли мама. Вы не возражаете, если я возьму с собой Аннет?

Что на это ответить? Бросить Жака и срочно бежать домой? Или пусть Корин оставит Аннет одну и уйдёт? Тут без вариантов:

— Да, конечно! Я приеду к вам, как только смогу! Спасибо большое, Корин!

Несмотря на этот бодрый ответ, Валею понемногу овладевало отчаяние. Теперь зло брало на эту дуру Жюли... Стоп, стоп, да чем она

провинилась? Плохого жениха себе выбрала? Не должна была ходить к Франсуазе, забирать у неё синюю тетрадь? В положении Жюли может оказаться любой порядочный человек. Нужно взять себя в руки и не психовать.

Приняв это решение, Валя отошла в сторону и присела на скамеечку, обитую коричневой клеёнкой. Как там Жак? Врач сказал — опасности нет, значит, просто нужно потерпеть. Хоть бы занять себя до конца операции... О, вот идея: посмотреть злополучные синие тетради. Не помешает выяснить, которую из них нужно отдать Жюли.

Валя раскрыла сумочку, набитую тетрадями, выложила их рядом с собой и начала поочерёдно открывать и листать. Эта пустая — можно даже здесь оставить, в подарок медсёстрам. Вот эта — с кулинарными рецептами, выбрасывать не стоит, но вряд ли за ней охотились убийцы Франсуазы Леблан и Шарля Перена. Эта — опять пустая. А эта...

Очередная тетрадь, которую взяла в руки Валя, заметно отличалась от остальных — была сильно потрёпана и производила впечатление довольно старой. С замирающим сердцем, предчувствуя, что наткнулась на то, что нужно, Валя открыла тетрадь. Да, в линейку. И вся исписана. Господи, что за почерк! Нет, вот здесь

гораздо лучше, почти каллиграфически. Разные люди писали? И, кажется, не так давно... Странно...

Валя попыталась вчитаться в написанное. Текст был беспорядочен, много сокращений и условных обозначений, а главное — речь шла о чём-то далёком. О войне... Второй Мировой войне...

Внезапно Валя поняла, что может и должна разобраться в этой тетради, прежде чем отдаст её владелице. Что это — дневник? Нет, скорее, мемуары. А ещё — обрывочные замечания, предположения... В голове всплыла мысль: мать Франсуазы была в Красной Капелле, не с этим ли связана тетрадь? Получается — действительно, мемуары в виде своеобразного дневника, но начатого тогда, когда гестапо уже не грозило патриотам Франции. И эти воспоминания касаются даже довоенной поры?

Незаметно для себя, Валя углубилась в чтение материалов. Те из них, которые были более-менее понятны, позволяли разобраться с остальными. Судя по всему, это было нечто среднее между дневником, мемуарами и рабочей тетрадью разведчиков, в которую они заносили понятные только им сведения. Впрочем, кое в чём и Валя могла разобраться: она читала однажды захватывающую книгу Леопольда Треппера

«Большая Игра», и теперь могла сопоставить её с теми материалами, которые держала сейчас в руках. То, да не то... Треппер писал несколько другое... Ещё бы разобраться в этом, но, разумеется, не сейчас...

Она очнулась, когда дверь операционной распахнулась. Одним движением Валя, не разбираясь, запихнула в сумку всё, что перед этим вынула, и бросилась к врачам:

— Ну, как?

— Не волнуйтесь, мадам, всё в порядке, — ответил тот из врачей, кто выглядел постарше. — Рана у вашего мужа неопасная, ему только нужно полежать несколько дней. Пока он побудет в реанимации.

Последнее слово слишком диссонировало с успокоительной речью врача, чтобы Валя не встревожилась. Впрочем, сказала она себе, в реанимацию отправляют всех после серьёзной операции, и само по себе это не означает угрозы для жизни, а дочку давно уже пора забрать у Корин.

— Скажите, когда он придёт в себя?

Врач пожал плечами:

— Общий наркоз скоро пройдёт, но ваш муж, возможно, будет спать. Вы же не станете его будить?

— Нет, конечно, — пробормотала Валя, неуверенно глядя на мужа. Противоречивые

намерения буквально раздирали её, мать и жену. Если бы, в самом деле, разорваться...

«Посижу пока с Жаком», — подумала Валя, направляясь, вслед за каталкой, в реанимацию. Она внимательно проверила, как медсестра подключает Жака к капельнице и приборам, и села на стул рядом с постелью. Немного подумала и снова вынула потрёпанную синюю тетрадь в линейку. Поглядывая то на мужа, то в тетрадь, снова начала читать.

Париж, 1 сентября 1950 года

Я, Жюльетт Ривейра, урождённая Боретур, будучи в здравом уме и трезвой памяти, пишу эти воспоминания о событиях, которые, как мне казалось ещё недавно, ушли и никогда не вернуться. То моё впечатление было обманчиво: тень недавней войны снова и снова нависает над нами, и люди вокруг меня делают те же ошибки, что и прежде, приговаривая: сейчас другое время. Но не только поэтому я решаю бросить взгляд на наше недавнее прошлое. К этому меня побуждает также долг перед погибшим мужем, павшими товарищами и моей дочкой, которая однажды прочтёт эти записи. Что подумает она обо мне, моих друзьях, нашей стране? Что скажут другие люди, если ознакомятся с моими

воспоминаниями? Об этом лучше не думать сейчас, в годовщину самого страшного события в истории человечества.

Это началось неполных двенадцать лет назад...

Париж, сентябрь 1938 года

- Не хотим войны! Не хотим войны!
- Немецкие рабочие — наши братья!
- Нет — войне за Судеты!
- Даладье, ты ответишь за кровь!

Толпа под красными флагами и транспарантами, собравшаяся на Монмартре, скандировала антивоенные лозунги, не обращая внимания на хмурое небо и накрапывающий дождик. Тысячи людей собрались здесь, чтобы призвать к миру и дружбе с братским народом Германии. Напомнить правительству Даладье, готовому развязать новую преступную войну ради каких-то Судет, что нет ничего важнее мира. Воззвать ко всем народам планеты и вместе остановить преступную клику, для которой нажива важнее человеческой жизни.

Эта человеческая лавина колыхалась в разные стороны, захватывая людей, которые не собирались протестовать, а всего лишь шли по своим делам.

Среди этих людей оказалась невысокая рыжеволосая большеглазая девушка лет восемнадцати, бедно одетая и пугливо оглядывающаяся. Её звали Жаклин. Меньше всего она собиралась присоединиться к этому живому шквалу, но в какой-то момент её захватило человеческим потоком, засосало в самую гущу толпы. Какой-то парень с красным бантом в петличке сунул ей в руки плакат с карикатурой на Даладье и Чемберлена, изображённых в виде кровавого двуглавого осьминога, тянущего свои щупальца по всему земному шару. Чуть поодаль девушка заметила другой плакат: двое улыбающихся парней протягивают один другому руки. Рядом с первым надпись «француз», со вторым — «немец». На третьем — солдаты по обе стороны от колючей проволоки втыкают штыки в землю.

Возбуждённая толпа куда-то направлялась, увлекая с собой и Жаклин. Она не сразу поняла, что людской поток движется к Елисейским Полям. Улучив момент, девушка сунула плакат одному из соседей и выскользнула из толпы. Меньше всего ей нужна была политика. Найти бы работу, пусть хоть временную, пока мать не выздоровеет.

Ей пришло в голову, что не так плохо её затащили: здесь, в центре, больше шансов найти что-нибудь подходящее. Она осмотрелась:

неподалёку хорошо одетый господин нёс большой чемодан. Жаклин бросилась к нему:

— Сударь, вы позволите вам помочь?

Господин остановился, с удивлением посмотрел на девушку, улыбнулся:

— Мадмуазель, разве принято, чтобы девушка таскала тяжести для мужчины? Обычно наоборот.

— Сударь, мне очень нужна работа!

— Вот как! Это меняет дело. Только, извините, я спешу и тяжесть вам нести всё равно не дам. Вы можете пройти со мной?

При других обстоятельствах, подобное приглашение вызвало бы у Жаклин настороженность и, скорее всего, отказ. Но, во-первых, к незнакомцу она обратилась первая, а во-вторых — работа действительно нужна.

— Я иду с вами!

Они направились в сторону Нотр-Дам.

— Вы умеете печатать на пишущей машинке? — поинтересовался незнакомец.

— Нет, — сконфуженно ответила девушка и тут же добавила:

— Но если надо — я быстро научусь!

— Вот и отлично. Языками какими-нибудь владеете?

— Итальянским немного, — ответила Жаклин, в надежде, что соседи, приехавшие три года назад из Италии, помогут.

— Будет неплохо, если вы освоите хотя бы два иностранных языка, — проронил незнакомец странную фразу, и Жаклин энергично кивнула раньше, чем успела над ней задуматься.

— Сударь, можно мне спросить, как вас зовут? Я — Жаклин.

— Меня зовут Лео. Извините, что сразу не представился. Большую часть времени я нахожусь в Бельгии, но в Париже у меня немало дел, и будет неплохо, если вы возьмёте на себя их часть.

— Господин Лео, я с радостью! — ответила девушка, её голос задрожал. Они вошли в один из домов — не самый богатый — и поднялись по лестнице. Лео отпер дверь, перед которой они остановились.

— Входите, мадмуазель! Чувствуйте себя как дома! И... если вам негде ночевать — можете здесь. Я почти не буду появляться в этой квартире.

Жаклин удивлённо посмотрела на хозяина. В голове всплыл вопрос: «Ничего, если здесь поселится моя мама?», но это, разумеется, было бы чрезмерной наглостью.

— Извините, господин Лео... Сколько я буду получать?

— Пять франков в день плюс питание — вам подойдёт?

— О, да, спасибо вам огромное!

— Вот и отлично. Я вас попрошу прибираться

здесь и готовить для меня. Как я уже сказал, появляться буду не каждый день, но горячие блюда должны быть наготове, — деловито заговорил хозяин. — Иногда буду приходить со знакомыми, в таких случаях я вас предупрежу по телефону, и вам придётся готовить на несколько персон. Если не приду — можете угощать своих близких и друзей. Продукты покупайте в лавке напротив — я предупрежу хозяина, чтобы давал вам всё необходимое, за мой счёт. А пока попрошу вас напечатать для меня один материал. Вон там телефон, вот бумага, пишущая машинка. Лента в неё уже вставлена, но менять её вам придётся научиться самой — извините, я спешу.

Жаклин с готовностью кивнула и бросилась к машинке. Сама она никогда не печатала, но видела, как это делает подруга, работающая на вокзале. Главное — не ошибиться, когда нажимаешь на клавишу, потому что исправить потом невозможно.

Текст, который ей поручил напечатать господин Лео, был длиной всего в несколько строчек, но Жаклин очень боялась ошибиться, поэтому процедура заняла полчаса и девушка очень устала. Однако, когда она закончила, господин Лео вынул отпечатанный текст из машинки, пробежал его глазами, одобрительно кивнул и улыбнулся:

— Очень хорошо, Жаклин! Если так будете продвигаться и дальше, долго на пяти франках в

день не задержитесь. Вот вам жалование за неделю вперёд, и будьте здесь хозяйкой!

Не успела девушка переварить эту радостную новость, как господин Лео приветственно махнул ей рукой и вышел. Жаклин посмотрела на оставленные ей деньги и вздохнула со смешанными чувствами: работу найти удалось, и куда более приятную, чем перетаскивание чемоданов, но предстоит научиться многим незнакомым вещам. Она осталась одна в большой квартире, предстояло сделать много всего непривычного, но теперь она была нужна и ей платили за работу.

Валя

Она вздохнула и прервала чтение. Сомневаться не приходилось: в тетради описаны подлинные события. Но... неужели, действительно, обстановка во Франции в те дни была такая? Валя читала раньше и про Мюнхенский сговор, и про антивоенное движение в тот период, но ей в голову не приходило сопоставить одно с другим. Неужели французские противники войны просто не оставили своему правительству выбора, кроме капитуляции перед «бесноватым фюрером»?

Однако есть вещи поважнее, чем самые интересные мемуары. Как поживает Жак? Она

посмотрела на мужа и встретила его улыбку.

— Миленький, ты хорошо себя чувствуешь? — пролепетала Валя, не веря своим глазам.

— Да, моя дорогая! — он нежно погладил её по руке. — Поезжай домой! Аннет заждалась!

— Да, конечно, сейчас поеду! — смущённо улыбнулась молодая женщина и поднялась с места.

— Синяя тетрадь... Та самая? — муж скосил взгляд на предмет в руке жены.

— Думаю, да. Очень интересно. Хочешь почитать?

— Если можно! Пожалуйста! Ужасно хочется знать, за что мы с тобой воевали!

Валя с готовностью кивнула и отдала мужу тетрадку. Да, очень интересный документ, но ознакомиться с остальными событиями, описанными в тетради, можно будет потом. Заодно разобраться, что в мемуарах могло подтолкнуть отъезд Анри, а что — привлечь внимание грабителей. Она наклонилась, чтобы поцеловать Жака, встретила его губы и на мгновение слилась с любимым мужчиной...

Однако пора уходить. Который час — почти девять? О, ужас! А ведь добираться до дома придётся на метро.

— До завтра, любимый! Я постараюсь прийти как можно раньше! Вместе с Аннет!

Виктор

— Надя! Куда бы ты хотела сейчас пойти?

Фраза на удивление глупая, я всегда считал, что парень должен заранее знать, куда поведёт девушку, которая приняла его приглашение на свидание. Однако с Надей бесполезно основываться на общепринятых шаблонах поведения. Она не такая, как все. Да, это можно сказать о каждой девушке, если любишь её, но в отношении Нади верно как никогда. Она улыбается:

— Витя, а если мы просто погуляем здесь?

— Да, хорошо! Давай!

Мы не торопясь идём под руку по аллеям одного из парков на Садовом Кольце, вдыхаем нежный аромат зелени, внимаем ласковым солнечным лучам — и нам не надо никого больше. Так ли это, не слишком ли много я на себя беру, решая за Надю? Но вот я смотрю ей в лицо, она ласково улыбается мне...

— Надя! Ты веришь в любовь с первого взгляда?

— Да, Витя. Только в такую любовь я и верю, всякая другая — ненастоящая. То есть, конечно, человек может не сразу понять своё чувство, но сама любовь появляется сразу или никогда.

— Надя! А если я скажу, что...

К горлу подкатывает спазм, я хриплю от волнения и замолкаю. Надя становится серьёзной и гладит ладонью мои волосы.

— Надя! Я... люблю тебя...

Она молчит, ничего не отвечает.

— Надя, я полюбил тебя вчера. Как только увидел. Я не сразу понял, что на самом деле ты — вот такая и именно такой тебя я люблю...

Моя речь несурозна, я не очень-то контролирую свои слова, но надеюсь, что Надя поймёт и не рассердится. Но вот я чувствую, что говорить больше нечего, хватаю её за руки, порывисто обнимаю, целую... И вдруг до меня доходит, что и Надя обнимает меня, отвечает на поцелуй...

— Витя... Я тоже люблю тебя... Схожу с ума... Какое-то наваждение...

На несколько минут мы оба утрачиваем способность говорить, потому что наши губы заняты куда более важным делом. Уста Нади — горячие, нежные, мягкие, влажные, сладкие... Я чувствую, что могу потерять равновесие, и мягко подталкиваю самую прекрасную из девушек к ближайшей скамейке. Мы садимся, никого рядом нет, нам не помешают. Мои руки движутся по спине и плечам Нади, губы ловят её уста, захватывают зубки, и весь окружающий мир

уплывает далеко-далеко, не смея нам мешать...

Сколько времени прошло — минута, две, пять, десять? Это была вечность, в которой я бы хотел остаться. Но вот невдалеке слышны шаги, и мы прерываем поцелуй. Просто для того, чтобы оглядеться: кто посмел нам помешать? Вдоль аллеи идёт парочка, парень и девушка, они улыбаются нам, словно говорят: мы такие же заговорщики, как и вы, не будем мешать. Они проходят мимо, и мои губы снова набрасываются на руки, шею и лицо Нади...

Надя

Знаю, что веду себя глупо и неприлично, но мне всё равно. Хочу быть с Витей, хочу Витю, и если он сейчас велит мне раздеться — подчинюсь без раздумья. Его горячие поцелуи, в которых утопает весь мир... Я хочу большего, ещё немного — и честно признаюсь в этом, сама стану раздевать Витю, и гори она пропадом, моя честь. И не стану предохраняться, возьму пример с Ани. Если рожу ребёнка от Вити — буду счастлива! Пусть это безумие, так не полагается — плевать, кто что скажет!

Внезапно в моей сумке предательски звонит мобильный телефон, вырывая меня из сладостных

грёз. Моя рука оставляет объятие и автоматически, не спрашивая у меня разрешения, лезет за дурацким аппаратом. Витя выпускает меня и тихо вздыхает, словно говоря: «меня огорчает этот перерыв, но понимаю, что ты принадлежишь не только мне». Я недовольна, но подчиняюсь воле обстоятельств.

— Алло!

— Наденька, это Валя! У нас тут проблема возникла... Когда ты собираешься приехать?

Я бы осталась с Витей ещё и ещё, но понимаю, что наше агентство сейчас навалилось на одну Валечку, а это уже наглость с моей стороны.

— Валечка, а что случилось?

— Понимаешь, сразу много событий. Жак ранен...

Меня словно обдаёт ледяной водопад. Я прохлаждаюсь в московском парке, приятно провожу время, целуюсь с парнем, а тем временем в Париже Жак истекает кровью, а Валя наедине с обстоятельствами...

— Валечка, я сейчас же выезжаю!

Выключаю мобильный телефон и грустно смотрю на Витю.

— Милый, мне пора ехать...

— Надя! Как жаль!

Эх, была — не была:

— Витя, с моей стороны не будет наглостью пригласить тебя в Париж?

Он задумчиво смотрит мне в глаза:

— Прямо сейчас?

— Да, Витя. Сейчас.

Он решительно выпрямляется:

— Да! Надя, с тобой — хоть на край света! И, конечно, в Париж! Только... можно, я сначала познакомлю тебя с мамой и братом?

Я чувствую, как мои щёки вспыхивают. Витя хочет представить меня своей маме! И брату! Сейчас! И... они поймут, что это означает?!

— Да, Витя! Буду очень рада! Пожалуйста! Немедленно, если можно!

Он энергично кивает и вынимает мобильный телефон:

— Мама, это я! Мне нужно немедленно познакомить тебя с одной девушкой. Да, очень хорошая. Мама, я люблю её! Да, хочу жениться на ней, если она согласится! — он произносит эти слова громко, с нажимом, так, будто меня нет рядом. Но я рядом и шепчу: согласна, согласна! Сказала бы это вслух, выкрикнула громко, но ведь тогда услышит его мама, вдруг ей не понравится. Но вот Витя разъединяет и смотрит на меня, а я чувствую, что на моём лице всё написано.

— Едем, милый! Сначала к тебе!

Мы направляемся к выходу из парка, и Витя спрашивает:

— Ты как предпочитаешь: на метро или

автобусом?

Я улыбаюсь:

— Милый, а можно, мы поедem на «Тойоте»?

Витя тоже улыбается, но смущенно, и кивает.

Мы идём к автомобилю.

— Надя, это твоя машина?

Понимаю, почему Витя об этом спрашивает — ведь я ему сказала, что в Москве только на несколько дней, ради этого покупать автомобиль не стала бы.

— Нет, милый, это машина моей подруги, которую она мне дала, пока я в Москве. Ну, говори, куда ехать!

Витя называет адрес, я поворачиваю ключ зажигания и даю газ. Мы выезжаем на шоссе. В голове вертится множество мыслей. Как мы будем жить с Витей, где? Что обо мне подумают его родные? Как отнесутся к его срочному отъезду? Как ему договориться на работе? Что происходит в Париже, кто ранил Жака? Выходит, сейчас Вале придётся разрываться между дочкой и мужем, и агентством реально смогу заниматься только я...

Вот мы почти приехали.

— Витя, ближе к дому есть ещё автостоянка или только вот эта? — спрашиваю я, видя справа место, где можно оставить машину.

— Нет, Наденька, лучше здесь, — смущенно произносит мой любимый. Я киваю, заезжаю на

стоянку и торможу. Мы выходим, и я включаю противоугонное устройство. Вместе с Витей заворачиваем за угол...

Боже мой, что это? Пятеро здоровенных парней бьют одного! Повалили на землю и дубасят ногами!

— Прекратить немедленно!

Я запускаю было руку в сумку, чтобы вынуть свой любимый травматический пистолет, но спохватываюсь — оставила его сегодня дома, идиотка. Значит, придётся так...

Я кидаюсь в гущу свалки и первым делом награждаю ближайшего из героев ударом локтя в позвоночник. Он охает, я подсекаю и отшвыриваю мерзавца в ближайшую лужу. Теперь следующий...

Они уже заметили меня, поняли, что я не с ними, спохватились, обернулись — ну что, сразимся? Они злые, им не до джентльменства, у одного кастет, да только сумей ударить...

Прежде чем кто-либо нападает на меня, Витя кидается на них слева. Дерётся неумело, но нас уже двое против четверых. И парень, которого избивали, поднимается с земли — его крепко помяли, разбили губу, под левым глазом фонарь, но он держится и хочет посчитаться.

— Ладно, уходим! — зло бросает один из наших противников, и отважная четвёрка, утаскивая пятого, уматывает туда, откуда только

что пришли мы с Витей.

— Что, герои, семеро одного не боитесь? — насмешливо бросаю им вслед. Они меня разозлили, ненавижу, когда много против одного, и непрочь подраться, хотя сюда мы с Витей приехали не для этого. Однако герои кулака и кастета уходят не оглядываясь, двое из них держат на плечах того, которому я дала больно. Только теперь обращаю внимание, что все они лысые. Бритоголовые, что ли? Светла меня однажды судьба с такими...

— Митя, что случилось? — тревожно спрашивает Витя спасённого нами парня. Тот вытирает кровь с лица:

— Это нацисты... Выследили меня.

Да, я уже поняла, что это нацисты. А кем приходится этот Митя моему Вите?

— Надя, познакомься! — обращается Витя ко мне. — Это — Дима, мой брат!

Весна 1939 года, Париж

К этому времени Жаклин уже вполне освоилась в квартире, которую поручил её заботам господин Лео Гросфогель, большую часть времени проводивший в Бельгии, а в Париже появлявшийся неожиданными наездами, о которых он, впрочем, обычно старался предупредить

служанку-экономку по телефону. Она научилась пользоваться телефоном и печатать на машинке — не очень быстро, зато почти без ошибок. Совсем неплохо овладела итальянским и взялась за самоучитель немецкого. В квартире было всегда чисто и опрятно, горячий обед или ужин на плите. Хозяин был доволен, они с Жаклин обращались друг к другу по имени, и жалованье девушки составляло теперь пятнадцать франков в день. Совсем неплохое подспорье для семьи: хотя мать уже выздоровела, с прежнего места работы её уволили, и она перебивалась случайными заработками.

Однако новости не радовали. Ещё недавно Жаклин считала, что политика не для неё, однако последние события всё более приводили к ощущению, что это не так. Соглашение в Мюнхене оказалось недолговечным, «мир на вечные времена» продлился менее полугода, Германия захватила не только Судеты, но и остатки Чехословакии, и те же люди, которые совсем недавно с пеной у рта проклинали Даладье за намерение развязать новую войну, теперь гневно ругали его же за капитуляцию перед Гитлером, сдачу ему сердцевины Европы. И всё же пока можно было заниматься своими делами, чутко прислушиваясь, однако, к новостям, которые приносит радио.

Зазвонил телефон.

— Алло, слушаю!

— Здравствуй, Жаклин! — голос Гросфогеля был озабоченным. — Всё в порядке?

— Да, Лео, в порядке. — Ответ девушки прозвучал не вполне уверенно, так как десять минут назад радио сообщило об арестах евреев в Праге, и это не радовало.

— Жаклин, у нас сегодня гость.

— Да, Лео, я сделаю обед на троих.

— Молодчина. И вот ещё что: подумай, кого из своих хороших друзей ты сможешь порекомендовать для важной, ответственной работы.

— Они должны уметь печатать на машинке и знать иностранные языки? — догадалась девушка.

— Хорошо бы, особенно владение немецким, а ещё будет полезно, если у кого-то из них водительские права, но не это главное. Нужно, чтобы ты могла им доверять, как себе самой.

— Да, Лео, я подумаю.

Гросфогель повесил трубку, и Жаклин направилась на кухню. Когда обед был уже готов, девушка услышала, как открывается входная дверь, и бросилась в прихожую.

— Добрый день, Лео!

— Здравствуй, Жаклин! Познакомься: это мой друг Адам. Он будет время от времени ночевать

здесь и давать тебе небольшие поручения. Рассматривай их как мои собственные.

— Да, Лео.

Друг Гросфогеля оказался невысоким подвижным человеком с живым лицом и быстрым взглядом. Он улыбнулся девушке, но ей показалось, что Адам невесел. Лео прошёл в гостиную, бросил вокруг придирчивый взгляд, одобрительно кивнул и улыбнулся:

— Ну, дружище, принимай квартиру!

Глаза Жаклин широко раскрылись: это что же — Адам будет жить здесь постоянно? А кто будет платить ей жалованье — он или Лео? Словно прочитав её мысли, Адам успокоительно улыбнулся:

— Не волнуйтесь, Жаклин, я буду появляться здесь не так часто, и поручения мои не слишком обременительны. Всё же желательно, чтобы вы нашли себе помощников, как уже говорил Лео. Скоро для них появится немало работы.

— С завтрашнего дня ты получаешь двадцать франков в день! — громко добавил Лео, и беспокойство девушки сменилось бурной радостью. Она решилась:

— Лео, а можно, я поговорю с мамой? Она немного владеет немецким и итальянским, а на машинке печатать научится.

— Замечательно! — в один голос воскликнули

оба друга, а Лео добавил:

— Начальное жалованье ей будет десять франков в день, но, как ты понимаешь, если всё окажется хорошо, прибавка не задержится.

Витя

Ужасно неудобно, что я невольно втравил Надю в наши разборки с нацистами. Митя состоит в Антифа, я тоже им сочувствую, но не настолько, чтобы вынуждать девушку, которую люблю, драться с подонками. Видимо, они выследили Митю и устроили засаду у нашего подъезда. А дальше...

— Очень приятно, Надя, — говорит мой брат и пытается улыбнуться, только это у него плохо получается, из-за разбитой губы. Моя любимая девушка смотрит на него жалобно:

— Пойдёмте в квартиру скорее!

Я вдруг чувствую, как внутри поскрёбывают коварные искорки. Ревность? Как глупо, ведь Надя спасла моего брата. И в любом случае — нам через несколько часов ехать в Париж. Мы поднимаемся на два этажа и входим в нашу квартиру. Мама встречает нас в коридоре и громко ахает:

— Димочка, милый, что с тобой?

Я вопросительно смотрю на Митю — хочет ли

он уточнять подробности? Не говорить же, что с лестницы свалился.

— На него напали нацисты, — негромко, но отчётливо произносит Надя. Мама ахает, как будто стонет, и опускается на ближайший стул. Я бросаюсь в кухню за валидолом. М-да, моя непродолжительная ревность мигом улетучивается: мы с братом тщательно скрывали от мамы и его участие в Антифа, и проблемы с нацистами, а Надя моментально всё раскрыла. И не скажу, что она поступила дурно, у неё на это полное право — ведь она только что сама дралась с этой нечистью. Только Митя за такое не поблагодарит.

— Мама, это Надя, моя невеста, — сообщаю я, возвращаясь с валидолом, и тут же становится ясно, что сейчас будут обсуждаться вовсе не мои дела сердечные. Мама бледна, она судорожно берёт валидол и кладёт в рот. Наступает тягостная пауза.

— Почему ты мне об этом не рассказывал? — мама смотрит осуждающе на Митю.

— Не хотел волновать тебя, — вздыхает брат. — Надя, зря вы это сказали.

— Что — зря? — недовольно возражает Надя. — Если ты любишь свою маму, береги её другими способами. Ну, сказал бы ты сейчас, что споткнулся и упал. Это что — решило бы проблему? А если завтра эти ублюдки подожгут вашу квартиру?

— Не подожгут, — неуверенно бормочет брат. Надя недовольно качает головой.

— А что можно сделать? — задаю я риторический вопрос.

— Обратиться к профессионалу, — поясняет Надя и вынимает мобильный телефон. — Здравствуй, Олег. Можешь сейчас приехать сюда? — и она называет наш адрес. Я с изумлением смотрю на неё и вдруг понимаю, что она совершенно права. Да, конечно, милиция!

— Зря вы это, Надя, — бормочет Митя. — Они скажут, что мы напали на них.

Прежде чем я успеваю как-то прокомментировать его мнение, Надя внезапно начинает смеяться, но затем успокаивается и становится серьёзной.

— Дурачок ты, Митя... Извини. Не имеет значения, что они скажут. Если этим займутся мои друзья, у нацистов появится такая проблема, что они в твою сторону смотреть не решатся. Из Москвы сбегут. С повинной в милицию явятся. Поверь, я знаю, о чём говорю, такое уже было не раз. Главное — не бояться правды.

Как она хорошо сказала: не бояться правды. Да, конечно, но как?..

Мама с надеждой смотрит на девушку, которую я люблю.

— Надя... Ваши друзья действительно

помогут?

— Обязательно! — твёрдо произносит лучшая в мире девушка, и мне становится ясно, что так и будет. В дверь звонят, и мы втроём — мама, я и брат — тревожно оглядываемся.

— Я открою! — спокойно поясняет Надя... да, вот так и надо открывать, если неизвестно, кто просится: тихо, на цыпочках, подходит к двери, смотрит в глазок, но с расстояния сантиметров пять, чтобы её тень не была видна снаружи... Вот она улыбается и открывает:

— Привет, Олег! Заходи!

— Добрый день! — окидывает нас взглядом милиционер, с которым меня познакомила вчера Надя. Его взор останавливается на Мите. — Что с вами приключилось, молодой человек?

— Избили его, товарищ милиционер! — вскидывается мама. — Нацисты проклятые! Наша семья всегда была за интернационализм! Дедушка мой воевал, погиб подо Ржевом. А они... стыда у них нет... — Мама отворачивается и начинает плакать. Милиционер смущённо кашляет:

— Так, ладно, пройдёйте в комнату, если не возражаете. Вас как зовут, молодой человек?

— Дмитрий, — вздыхает брат, и мы все направляемся в гостиную. Мне приходит в голову, что обстановка у нас слишком убога для Нади, но она словно и не замечает этого — садится на стул,

причём так, что спинка спереди, она кладёт на неё руки, на руки опускает подбородок и вопросительно смотрит то на Митю, то на милиционера.

— Ну-с, давайте выясним, что там у вас вышло, — авторитетным тоном произносит Олег, и до меня внезапно доходит, что представление Нади моим близким удалось как нельзя лучше. Она уже своя для мамы и брата. Такая же своя, как если бы мы были знакомы двадцать лет.

Жак

В больничном коридоре слышались голоса. Образы Жаклин, Лео и Адама, навеянные чтением синей тетради и перешедшие в сон, вспорхнули и растворились в уплывающем видении, и Жак проснулся. «Как, это всё мне приснилось?» — пробормотал он, не доверяя собственной яви. Он посмотрел влево: синяя тетрадь лежала рядом с подушкой. «Выходит, я заснул, пока читал её. Хорошо, не порвал во сне и не слишком помял», — подумал полицейский. В коридоре слышались шаги, и в палату вошёл молодой врач:

— Ну, сударь, как вы себя чувствуете?

— Хорошо! — улыбнулся Жак. — Можно мне поехать домой?

— Нет, домой рановато, — улыбнулся врач. — Но из реанимационной палаты, я думаю, мы вас переведём.

— Доктор, а куда меня ранили? Бок болит...

— Пуля прошла рядом с правым лёгким. Ранение не смертельное, но небезобидное. Так что не торопитесь вставать.

Жак кивнул.

— Доктор, а мне не принесут мои вещи?

— Это какие — пистолет? Сожалею...

— Хотя бы мобильный телефон.

— Да, можно, если обещаете разговаривать изредка и не дольше минуты каждый раз.

— Обещаю! Пожалуйста!

— Хорошо, сейчас распоряжусь, — кивнул врач и вышел. Едва за ним закрылась дверь, как мысли Жака поползли в разные стороны, как тараканы из неосторожно открытой коробки, где они прятались. Как там Валя? И доченька? Вот бы приехали сюда... Хотя для Аннет, наверное, больничная обстановка не очень полезна... А ведь Жюли, пожалуй, пора отпустить на свободу: убийца Франсуазы Леблан и Шарля Перена ранен и арестован. Но действовал ли он один? Если убийство заказное, опасность для девушки вот-вот возобновится. Поразмыслив, Жак решил, что всё-таки невинного человека лучше выпустить на волю, а от опасности защищать другими способами.

А как быть с тетрадью? Если преступники охотятся за ней, то это улика, которую нужно приобщить к делу. Или правильнее отдать её Жюли? Вдруг в этой тетради разгадка исчезновения её жениха?

В дверях появилась медсестра:

— Ваш телефон, сударь! И завтрак!

— Да, спасибо.

Будь у него выбор, Жак сразу начал бы звонить, но бдительная сестра не оставила ему вариантов. Под её недреманным оком, Жак опорожнил две тарелки — с кашей и с каким-то кисло-сладким желе — выпил сок, вернул посуду и всем своим видом показал, что хочет отдохнуть. Однако, едва медсестра вышла из комнаты, Жак, не мешкая, набрал номер мобильного телефона жены:

— Любимая, как твои дела?

— Всё в порядке, мой хороший! — ответил весёлый голос Вали. — Мы с Аннет уже покушали и сейчас едем к тебе!

Эта реплика разрешила часть сомнений Жака.

— Милая, ты читала эту тетрадь?

— Немного, мой дорогой! Только начала!

Правда, интересно?

— Да, чрезвычайно! Правда, я пока не вижу, что в ней могло интересовать бандитов и подтолкнуть отъезд Анри, но...

— Но мы с тобой ещё и до середины не дошли, верно? Всё выстраивается в цепочку:

какой-то факт, приведенный в тетради, побудил Анри начать собственное журналистское расследование. И этот же факт всполошил неизвестных преступников.

— Ты считаешь, убийца действовал не один?

— Миленький... Ты не видел вчера, как я задержала его сообщника?

Жак почувствовал себя глупо: не вовремя отключилось его сознание накануне. Он хотел было расспросить жену о подробностях, но в боку вдруг что-то кольнуло, да так, что стало трудно дышать, и раненый вспомнил, что врач запретил продолжительный разговор. Да и зачем это, раз Валя с Аннет вот-вот приедут.

— Ладно, милая... Приезжай, я жду, — не без труда выдавил из себя Жак и уныло разъединил. Всего три минуты разговора — и весь его боевой запал испарился, инспектор полиции снова стал пациентом реанимационной палаты. А ведь надо ещё позвонить коллегам, договориться, чтобы выпустили Жюли... Однако усталость брала верх, веки Жака слипались, и только в глубине мозга стучался бессильный протест мужа, отца и полицейского, который не по своей воле уступает болезни.

Сон Жака продлился, видимо, недолго: едва получив порцию отдыха, организм запустил резервы, и раненый проснулся. Первый же взгляд

налево — и Жак обомлел: синей тетради рядом с ним не было.

Валя

Она мягко катила перед собой детскую коляску, не обращая внимания на косые взгляды персонала: наверняка посторонний предмет в коридоре не приветствуется, однако причина уважительная, никто не посмеет требовать, чтобы женщина несла маленького ребёнка на руках. Возможно, её появление в регистратуре вызвало бы недовольные реплики, но Валя хорошо помнила палату, где находится оставила вечером мужа, и теперь, не задавая никому вопросов, шла напрямик туда, стремительная, как пуля, и неотвратимая, как тяжёлый танк, который лишь понаслышке знает о препятствиях.

В коридоре, который вёл в отделение реанимации, не оказалось ни души, и коляска понеслась так, как будто Валя участвует в забеге. До палаты Жака оставалось шагов десять, как вдруг Валя увидела странного субъекта в белом халате. Собственно, странность его была вызвана двумя обстоятельствами: он не был похож на врача, но вышел из палаты Жака, держа синюю тетрадь. Правая рука Вали мгновенно рванулась в сумку за

пистолетом.

— Стоять — стреляю! — звонко крикнула молодая женщина, так, что в соседних коридорах и ближайших палатах наверняка было слышно. Незнакомец вздрогнул всем телом, ткнулся было вправо — закрыто. Он тотчас развернулся к лифту...

Разумеется, Валя без труда опередила лифт.

— Ещё движение — и пристрелю! — со злостью выговорила она, приставляя пистолет к бедру незнакомца. Тот умоляюще захныкал:

— Не надо! Я только хотел посмотреть!

Валя без лишних реплик выдернула тетрадь у противника, и в тот же миг неизвестный ударил её по правой руке. От неожиданности Валя выронила пистолет, но тут же рванулась вперёд, нанося отвлекающий удар ногтями левой руки в шею врага, а правым коленом — в очень чувствительное место... От первого удара неизвестный увернулся, зато второй прошёл, как на учёбе... Незнакомец взвыл от боли, согнулся в три погибели, и Валя огрела его ребром ладони по затылку. Преступник рухнул, как копна сена. Валя подобрала свой пистолет и оглянулась: в коридоре никого. Это случайно или так подстроено злополучным преступником? Пробежала ладонями по его одежде, нащупала пистолет подмышкой, вынула. Откатила коляску к палате мужа, заглянула внутрь, встретила

тревожный взгляд Жака, улыбнулась ему. Вынула мобильный телефон, набрала номер полиции:

— Алло, говорит жена инспектора Жака Ламеля! На него было нападение, преступник задержан, срочно пришлите подмогу! Отделение реанимации больницы Отель-Дьё!

Она разъединила, уложила пистолеты и мобильный телефон в сумочку, посмотрела в коляску, убедилась, что малышка спит, ободряюще улыбнулась мужу и бросила взгляд на поверженного врага — он стонал и корчился на больничном полу.

— Я заснул и не услышал, как он вошёл, — виновато пояснил Жак.

— Ничего страшного, милый, может, даже хорошо: ведь он был вооружён, а ты не в силах защититься.

— Я не так слаб, как тебе кажется...

— Ой, ладно, оставь это, мой хороший.

Из коляски послышалось движение. Валя встрепенулась: Аннет уже проснулась и теперь неопределённо двигала ручками. Мама осторожно вынула девочку из коляски и лукаво посмотрела на мужа:

— Ну как, здороваешься с нашей королевной?

— С удовольствием! Я так рад видеть вас, милые мои девочки!

Жак, широко улыбаясь, раскрыл объятия навстречу дочке, принял её у мамы и осторожно прижал к груди, прикоснулся лицом. Девочка недовольно захныкала, и Жак отпрянул. Виновато посмотрел, пробормотал:

— Ой, я же сегодня не брился.

— Это моё упущение, забыла принести тебе прибор и крем, — вздохнула Валя. Она снова выглянула в коридор и ахнула: преступника на прежнем месте не было! И нигде в коридоре! Что же — он дождался лифта и сбежал? Проворонила, вот незадача... Ну как совместить супружество, материнство и ловлю преступников?!

— Хоть пистолет его захватила, посмотрим отпечатки пальцев, — уныло вздохнула Валя.

— Попрошу ребят оставить здесь засаду, может, он опять заявится, — успокоительно отозвался муж. В дверь заглянули двое полицейских:

— Привет, Жак, как себя чувствуешь?

— На него было покушение! — перехватила инициативу Валя. — К счастью, я вовремя подроспела, разоружила преступника, но ему удалось сбежать! Вот его пистолет!

Ажан кивнул и осторожно, берясь пальцами за ствол, принял улику из руки Вали. Поискал вокруг глазами. Валя поняла его немой вопрос и подала пластиковый пакет, который заметила рядом с

изголовьем кровати.

— Кто сейчас ведёт дело об убийстве Франсуазы Леблан? — поинтересовался Жак.

— Лярош. Но он сказал, что будет согласовывать с тобой всё существенное.

— Отлично! — торжествующе улыбнулся инспектор, схватил мобильный телефон и набрал номер:

— Клод, это Жак! Как твои дела? Да, мне сказали, что ты меня сейчас заменяешь. Можешь отпустить мадмуазель Крессар, она не виновата. Орудие убийства — обратил внимание, какое? Такой же шнур, как тот, которым задушили Перена. Нет, Клод, это именно шнур, такой же был вчера в квартире мадмуазель Крессар, когда мы с Валентиной дрались там с бандитами. Вы его нашли у неё в квартире? Вот и отлично. Как? Почему ты считаешь, что это её шнур? Нет, я уверен, преступник принёс его, чтобы задушить и девушку! Это его почерк! Конечно, сними отпечатки пальцев со шнура, но я уверен, они не принадлежат мадмуазель Крессар. Ладно, пока. — Жак с недовольством разъединил и, морщась, схватился за правый бок.

Вале стало досадно: вчера, за всеми перипетиями, она даже не заметила тот шнур, о котором сейчас говорил коллеге Жак. Не до того было. Где же он лежал? Она попыталась вспомнить

квартиру Жюли: да, кажется, на стуле в гостиной валялся шнур какой-то. Тот самый? Однако затем Валя подумала, что не так уж виновата, ведь Жак не рассказал ей сразу, что убийца пользовался таким предметом. Она подошла ближе к кровати:

— Миленький, тебе больно? — прошептала Валя, стараясь, чтобы чужие люди не услышали.

— Нет, ничего. — Однако гримаса на лице мужа говорила об обратном. Валя обернулась к ажанам:

— Господа, вы не могли бы поставить здесь засаду? Мы с мужем считаем, что преступники снова попытаются завладеть тетрадью.

Полицейские кивнули и вышли в коридор. Валя поцеловала мужа:

— Отдыхай, милый! Набирайся сил!

Он ничего не ответил — уже заснул. Валя подождала немного, взяла тетрадь и, мягко толкая перед собой коляску, вышла из палаты.

Витя

Итак, мы дома у Нади. Ого, вот это квартира! Как пять наших, московских, а то и больше. И мебель такая красивая! Люстра огромная! Наверное, Надя что-то недоговорила, когда сказала вчера, что всего лишь помощница детектива.

Впрочем, я же не видел квартиру её начальника, Андрея. Наверняка они все очень хорошо зарабатывают, вон как быстро вчера разобрались с Трофимовым и его охранниками. Мне бы так работать и так зарабатывать...

Надя снимает плащ и сапожки, подходит ко мне и кладёт руки на плечи:

— Всё в порядке, милый?

Что со мной?! О чём думаю — об этой квартире, когда со мной рядом самая прекрасная из женщин? Нет, пусть будет вот так!..

Я подхватываю Надю на руки, и от неожиданности она ойкает и смеётся. Милая, любимая, единственная моя, хочу тебя безумно...

— погоди, мой хороший! — шепчет она. — Давай сначала разденемся, заберёмся в ванну, а потом в постельку... Или хочешь прямо в ванне?

— Да! — выдыхаю я и чувствую, что хочу Надю немедленно. Хоть в постели, хоть в ванне, хоть на краю пропасти. Ощутить её руками, губами, всем телом — и будь что будет, без неё и жизни не надо...

Октябрь 1939 года, Париж

Наступали сумерки. Осенний ветер, ещё не холодный, но уже неприятный, безразличный, гнал

вдоль парижских улиц золотистые листья. В небе собирались тучи, обещали вскоре дождь, но пока не совсем закрыли заходящее солнце. По одной из улочек Монмартра, не спеша, поднимались в гору высокий, спортивного вида парень в военной форме и длинноногая худощавая большеглазая черноволосая девушка. Всякий, кто подумал бы, что это жених и невеста, оказался бы неправ. Это были брат и сестра — Николя и Жюльетт Боретур.

— Никакой войны с Германией не будет! — убеждённо произнёс Николя. — Никому эта война не нужна! Мы вывесили плакат рядом с позициями: «Немцы, не стреляйте! Мы стрелять не будем!»

Жюльетт отрицательно покачала головой и вздохнула: её хозяин, господин Адам Миклер, к которому её привела в мае Жаклин, и некоторые его друзья были отнюдь не так оптимистичны, рассказывали страшные вещи о зверствах гитлеровцев в Польше и Чехословакии и считали, что этими странами аппетит Германии не исчерпается.

— Николя, это, конечно, приятно, что пока всё спокойно и ты приезжаешь на побывки, но что будет потом?

— Потом — то же самое! — уверенно заявил брат. — И не спорь со мной. Лучше расскажи, как твои дела?

— Спасибо, всё хорошо, работаю. Мне платят

уже двадцать франков в день, плюс питание.

— Очень мало! Твой хозяин, этот Адам, эксплуатирует тебя!

— Николая, не говори чепуху. Неужели лучше безработным, которых никто не эксплуатирует?

— Безработных тоже эксплуатируют! — убеждённо возразил брат. — В том числе этот твой Адам! Безработицей запугивают тех, кто трудится, как ты!

— Моя работа совсем не тяжела, — недовольно поджала губы девушка. — И платят неплохо. По-твоему, господин Миклер должен разориться, чтобы платить мне?

— Не разорится, капиталист проклятый!

Жюльетт рассердилась:

— Николая, мы с тобой не согласимся! Я не вижу ничего дурного в том, чтобы работать, когда за это хорошо платят!

Брат посмотрел с любопытством:

— А что за работа у тебя?

Девушка неопределённо пожалала плечами:

— Печатаю разные бумаги. Получаю и отправляю почту. Встречаю гостей, когда хозяин не может.

— Зачем он приглашает гостей, если не может их встретить?

Сестра посмотрела укоризненно:

— Николая! Вчера приехал врач из Варшавы,

еврей! Он добирался через четыре границы! Он рассказал страшные вещи о том, что происходит в Польше!

— Жюльетт, какое нам дело до поляков и евреев?

Девушка ахнула:

— Николая, как ты можешь так говорить?! А вдруг завтра беда случится с нами? Тогда другие скажут: какое нам дело до французов?

— С нами ничего не случится. Надо только порвать с англичанами, пока они не уберут из Адмиралтейства этого психа Черчилля, который топит немецкие суда, и всё будет хорошо.

— Ты не слышал, что говорит немецкое радио?

— Нет. А зачем? Это ты у нас понимаешь немецкий. И к чему тебе их передачи, если ты считаешь немцев врагами?

— Я не всех немцев считаю врагами, — глухо возразила Жюльетт. — Но Гитлер и его подручные нам враги. Они открыто говорят, что хотят захватить Францию. Если мы ничего не сделаем, случится худшее, чем в тысяча восемьсот семидесятом.

— Не случится, только не надо злить немцев.

— Николая, я тебя не понимаю! Если они пойдут на Париж, ты воткнёшь штык в землю?

— Нет, тогда и будем воевать. А сейчас, когда

немцы сидят в своих траншеях и мирно курят, я первый в них не выстрелю.

— Зачем же ждать, когда беда нагрянет?

— Почему она должна нагрянуть? Вот смотри: когда Германия вошла в Польшу, наше правительство объявило войну. Уверяли, что опасность грозит нам, говорили всё то же, что и ты теперь. Однако Польша давно уже немецкая, а нас никто не трогает. Надо заключить мир и отпустить солдат по домам, вот и всё.

Жюльетт покачала головой. Она не знала, что возразить брату, но чувствовала, что он в чём-то ошибается. А главное — отовсюду нависало ощущение надвигающейся страшной беды.

Жюли

Девушка дремала в своей камере, когда дверь отрылась:

— Мадмуазель, на выход!

Она нехотя встала и вышла. Конвоир пропустил её вперёд, и они двинулись по коридору. Вот и дверь в комнату следователя. Ну что — опять будет уверять, что оберегает таким способом, или придумает что-нибудь поинтереснее? А его жена — нашла синюю тетрадь? Почему от неё никаких вестей? Хотя — как она свяжется без его

разрешения...

Конвоир открыл дверь в кабинет следователя:
— Заходите!

Жюли не сдержала удивлённое восклицание: в кабинете находился другой человек! Не муж Валентины!

— Простите, сударь...

— Вы ожидали увидеть инспектора Ламеля? — сухо произнёс полицейский. — Он ранен, я временно замещаю его. Меня зовут Клод Лярош.

Жюли внимательно посмотрела на собеседника:

— Он ранен? Опасно? Я могу знать, как это произошло?

— Садитесь, мадмуазель. Он получил ранение, когда заглянул к вам домой.

Девушка вздрогнула:

— Как? Там находился преступник?

— Да, и не один. Благодаря нашему коллеге и его жене Валентине, оба преступника задержаны.

— Они хотели убить меня?

— Возможно, — кивнул Лярош.

— Вы не знаете, Валентина нашла синюю тетрадь?

— Что за синяя тетрадь? — вскинулся полицейский.

Жюли сообразила, что сболтнула лишнее, и